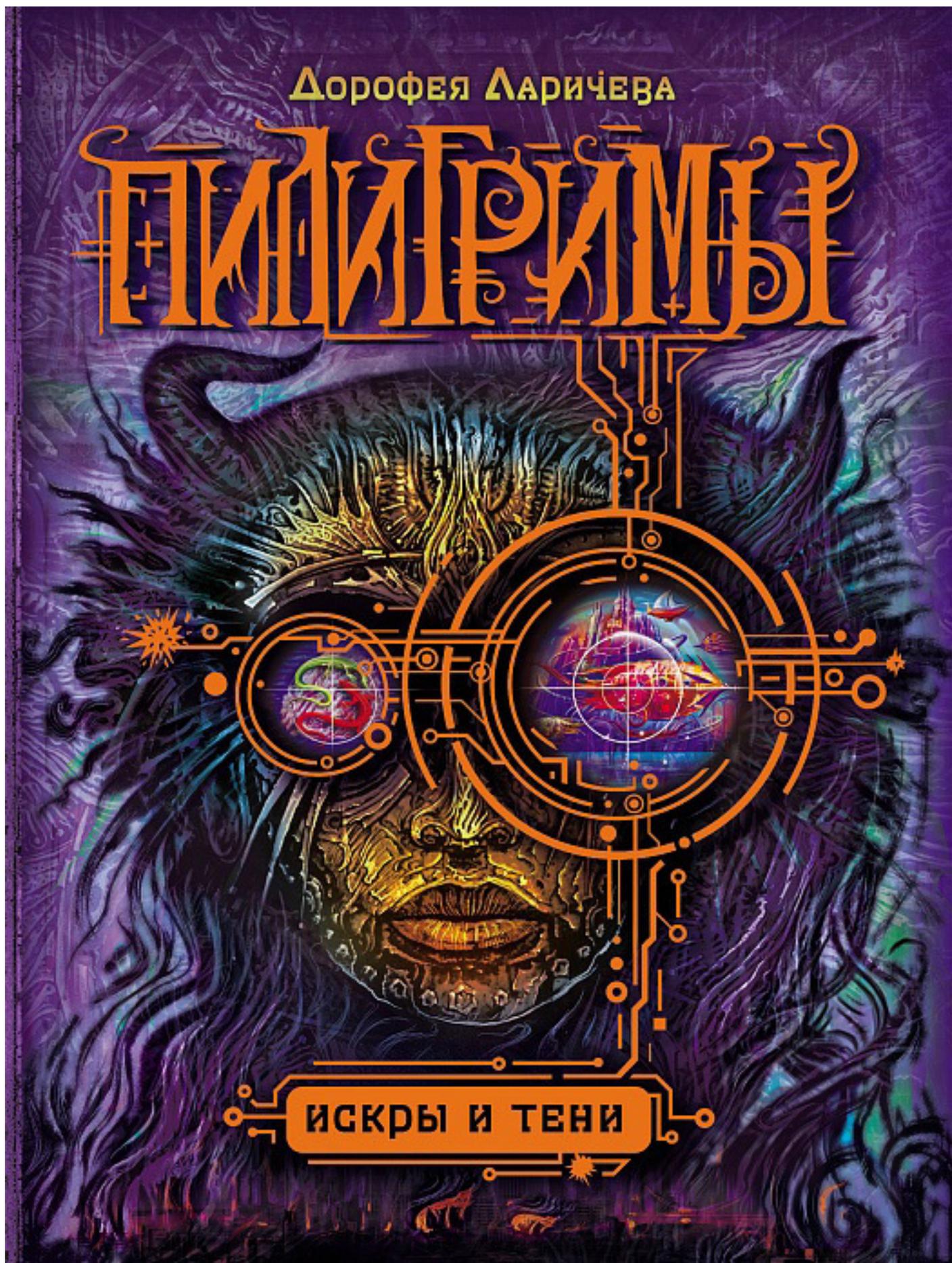

Дорофея Ларичева

МИДИРИМЫ

ИСКРЫ И ТЕНИ

Пилигримы

Дорофея Ларичева

Искры и тени

«Росмэн»

2016

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ларичева Д.

Искры и тени / Д. Ларичева — «Росмэн»,
2016 — (Пилигримы)

ISBN 978-5-353-07983-5

В третьей книге серии «Пилигримы» – «Искры и тени» – загадочные и древние, как звезды, сущности ступят на Землю-56 и Землю-1, оставляя за собой смерть и разрушение. У кого хватит хитрости и ума, чтобы остановить их? В любом случае без Дорофеи не обойтись. Нашей героине предстоит вновь всерьез задуматься о своих отношениях с Лансом, неожиданно для себя лицом к лицу встретиться со своим собственным прошлым и – заглянуть в чужое. Читатель же сможет одним глазком повидать далекое-далекое-далекое будущее – правда, не свое, а Дорофеино.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-353-07983-5

© Ларичева Д., 2016
© Росмэн, 2016

Содержание

Земля-56. Где-то на просторах России. Сентябрь. 2036 год. Василий Мазурин	6
Земля-1. Российско-Китайско-Индийский Союз (РКИС). 2099 год. Эдуард Смолин	13
Земля-56. Город Барск. 11–12 октября. 2036 года. Дорофея	16
Земля-1. Российско-Китайско-Индийский союз (РКИС). 2099 год. Эдуард Смолин	33
Земля-56. Город Барск. 13 октября. Злат	38
Ник а	41
Василий Мазурин	43
Дорофея	46
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Дорофея Ларичева

Искры и тени

© Дорофея Ларичева, 2016

© ООО «РОСМЭН», 2016

* * *

Земля-56. Где-то на просторах России. Сентябрь. 2036 год. Василий Мазурин

Этой осенью Василий Мазурин, человек серьезный, обстоятельный и уважаемый коллегами, вопреки традиции отправился в отпуск не в теплые края, где шумят волны, шелестят паруса и надрывно кричат чайки, где можно с наслаждением погреть уже не молодые кости. Нет, он укатил в российскую глушь, да еще в компании чудаков-энтузиастов: мистиков, уфологов, биоэнергетиков. Они искали то чупакабру под Челябинском, то крылатого человека в горах Урала, то чудь белоглазую под Екатеринбургом, то еще не пойми кого, столь же таинственного, мифического и неуловимого. Поговаривают, на их счету был даже снимок йети, но на обратной дороге фотоаппарат куда-то запропастился, а спонсорам и подписчикам странички в социальной сети достались лишь карандашные зарисовки да цветистые описания самих исследователей, обрастающие новыми подробностями с каждой неделей.

Но Василий Мазурин, работник одной из подмосковных научных лабораторий, поехал за Урал вовсе не за следами инопланетян или автографом Хозяйки Медной горы. У него была конкретная и прозаичная цель.

А начиналось все так...

В середине лета судьба свела Василия со старым приятелем и коллегой – Брониславом Соловьевым. Бронислав оказался не в меру болтлив, зол на Роберта Ноэля – их общего знакомого, – жаждал внимания, сочувствия и поддержки. И поведал коллеге такое, о чем наверняка поклялся молчать до последнего вздоха.

Так Мазурин оказался причастен к чужой тайне, на первый взгляд смешной и невероятной, – но с появлением пилигримов и аномалий границы вероятного значительно расширились.

«А вдруг? – подумал Василий. – Что я потеряю, если проверю все лично?»

Тут-то и вспомнились ему знакомые уфологи – люди дурные и безобидные, чьи рассказы он как-то высмеивал в дружеской компании. Одна из услышанных историй заставила его задуматься не на шутку.

На планшете сохранилась электронная визитка руководителя чудаков. И при первой возможности Василий позвонил по указанному там телефону, пообещал щедро профинансировать путешествие, принялся паковать рюкзак. У него был продуман маршрут.

Он всегда был везунчиком, дружил с госпожой Удачей и договаривался с обстоятельствами. Должностью и ученым званием его обеспечил отец, поддержкой со стороны властей – тесть. Научная карьера Мазурина развивалась как бы без его участия. Не прикладывая никаких усилий, Василий год за годом оказывался соавтором солидных публикаций и успешных проектов.

И вот теперь Мазурин сидел на крыльце старого дома в крошечной деревеньке далеко за Уралом. Сюда добирались на перекладных, прибыли засветло.

Все получилось не так, как он ожидал. По дороге к четверым исследователям присоединилась измученная женщина с дочкой лет восьми-девяти. Вот только вела себя эта кроха совсем не по-детски.

– Пилигрим? – спросил Василий женщину, скорбно замершую рядом на заднем сиденье старенькой машины.

Та печально кивнула. Круглое лицо с крупными губами и широко посаженными потухшими глазами было серым от пережитых тревог и совершенно несимпатичным.

Жалости к спутнице ученый не испытывал, поэтому задал следующий вопрос:

– Разделять будете?

– Поздно. – Женщина обняла девочку за плечи. – Говорят, их должны заранее чувствовать специально обученные люди. Свету пропустили. А мы не поняли, вначале к батюшке повели, потом по бабкам. Теперь Света и эта, новая, Стелла, – голос попутчицы неприязненно дрогнул, – между собой воюют. Сейчас она Стелла, через час может Светочкой стать. Я слышала, если не договорятся, погибнут обе. Вся надежда на...

Она не договорила, всхлипнула. Сидевшая рядом девочка погладила женщину по руке.

– Я с Земли-1. Мне обещали клона, – произнесла она взрослым тоном. – Эдуард Смолин, директор «Приюта пилигрима», клялся, что миграция на Землю-56 самая гуманная.

Мазурин не стал дальше расспрашивать. В молчании они доехали до деревни, пообщались с местными. В душе ученый до сих пор не верил, что желаемые способности можно приобрести вот так просто – забравшись в аномальную зону. Не в одну из тех, что возникли совсем недавно и исчезли лишь благодаря усилиям Бронислава Соловьева и излучению сотен Тесла-башен. А в известную еще прапрапрадедам, где сходят с ума компасы и часы, где человек излечивается или заболевает, видит невидимое, а то и вообще может сгнить навеки. В такую, после которой Роберт Никитин стал всемирно известным Робертом Ноэлем.

О получении Ноэлем невероятных способностей Броня рассказывал, не тая зависти. Но сам Броня ради мечты даже не пошевелился. А он, Василий Мазурин, добрался. Ведь не только в какой-то там Канаде случаются чудеса!

Теперь нужно дождаться проводника. Ох и долго же! В избе целый час причитала и просила о помощи несчастная женщина, крестилась, молилась, дрожащими руками боязливо комкала платок. Ее дочь Света испуганно смотрела на мать, на сопровождавших их мужчин, на старика проводника.

Наконец на крыльцо вышел дед, страшный, как родной брат черта, зыркнул на Василия и хрипло изрек:

– Этот тоже пойдет. Больше никто.

– Но... – попытался возразить предводитель уфологов.

– Кто не слушает, не доживет до рассвета.

Он махнул рукой женщине с ребенком и Мазурину и, не оборачиваясь, поковылял в лес. Ученый не стал извиняться перед попутчиками, в конце концов, он им платил за подчинение. Может, и хорошо, что только он там окажется. «Больше достанется», – совсем по-детски решил он.

Тропа закончилась быстро. Начались кусты и буреломы, овраги да темные чащи. Света ныла, мать ругалась на дитяtko, старик флегматично топал впереди. И только свет его мощного фонаря позволял не заблудиться.

До нужной поляны они шли, наверно, часа два. Замшелые, глубоко погрузившиеся в землю валуны в свете луны казались впавшими в спячку медведями.

– Я бою-ю-юсь! – захныкала девочка.

Мать отвесила ей подзатыльник.

– Тута, – провозгласил дед. – Ночь до рассвета пересидите. Захотят – помогут, выведут.

– Кто поможет, дедушка? – Женщина прижала к себе дочку.

Василий пожалел, что прослушал ее имя, а спрашивать сейчас было неудобно.

– Помогут, – ответил дед и выбрался из каменного круга.

Фонарь пару раз сверкнул за деревьями и исчез. Девочка тихо плакала.

«Зачем я пришел? Какая дикая, беспросветная серость! Точно неграмотный дикарь...»

Василий мерил шагами поляну, его мысли постепенно уносились к работе, неожиданному успеху Соловьева, достижениям Ноэля, двум девушкам-медиумам, помогавшим уничтожить пилигрима Орэфа...

Женщина положила на камень сумку, присела на нее, устроила на коленях дочку, скорее зашептала, чем запела колыбельную. Звуки ночного леса тоже поначалу шептали, а потом птица неподалеку защелкала, закричала, подавая сигнал.

Лес ожил, зазвенел, запел, завыл, зашелестел. Василий сбился с шага, остановился, запрокинул голову в небосвод. Меж ветвей горели прожекторы светил. Именно прожекторы, ибо даже за городом никогда таких крупных, точно спелые ягоды, звезд не увидишь. Еще луна – выщербленная, стареющая. «А ведь на многие здешние километры от силы с полсотни людей наберется», – осознал он и поежился.

Ему вдруг показалось, он слышит биение сердца Земли – гулкое, тихое. Звезды качнулись, потянули его к себе, закружили, потащили в глубины галактики...

Очнулся Василий лежащим ничком на палой листве, замерзшим до зубной чечетки. Рядом, привалившись к камню, недвижимо сидела женщина, и ученый потрясенно уставился на ее лицо – спокойное, умиротворенное. Выкрашенные в темно-бордовый цвет волосы с отросшими черными корнями растрепались, в них запутались листья и хвоя, но выглядела его спутница совсем иначе, чем вчера. Женщина смотрела на Мазурина, на сидевшую рядом на камне девочку и улыбалась.

– Получилось? – осипшим, простуженным голосом спросил он.

– Я буду жить, – вместо матери ответила дочь. Нет, не дочь, Стелла, пришелица с Земли-1. – Она, увы, тоже.

Мазурин поднялся с листьев, с трудом разогнул спину, первым делом выудил из недр кармана коммуникатор и выругался от избытка чувств. Он видел и понимал его устройство!

На радостях захотелось побыть джентльменом. Он протянул руку женщине, помогая встать.

«Сейчас еще утешать придется», – брезгливо подумал он.

Но женщина легко выпрямилась, осмотрела свои брюки, неожиданно потрогала куртку Василия – и рассмеялась. Счастливо, беспечно затанцевала по поляне.

«Спятила, несчастная!» Женщину было немного жаль, но тащить на себе полоумную он не собирался. «Пусть бывшая дочурка отвечает за сумасшедшую мамашу». Мазурин был непреклонен.

А девочка вдруг спросила:

– Как тебя зовут?

– Василий, – ответил ученый.

– Не тебя, – пренебрежительно отмахнулась девочка. – Тебя, пришелица.

– Джезерит. – Пляска оборвалась, женщина подошла к Мазурину и слегка поклонилась. – Я сестра известного тебе Орэфа. Ты обязан рассказать мне об этом мире. Я помогла тебе заполучить талант видеть суть вещей, ты поможешь мне освоиться здесь.

Ученый потрясенно попятился, ибо под хрупкой человеческой оболочкой скрывалось древнее-древнее существо.

– А потом, – звонким голосом продолжала пришелица, – отвезешь меня туда, где умер мой брат. Как называется то место?

– Барск. – Первый страх прошел. Василий улыбнулся новой знакомой.

Что, если эта встреча лишь удачное дополнение к его новым талантам?

Всего недели хватило Василию, чтобы убедиться, что женщина по имени Джезерит обладала феноменальной работоспособностью. Она искала и находила людей, связанных с Обществом Зари, восстанавливала старые связи Орэфа, помогала наладить новые. Она называла себя и Орэфа Вестниками, обещала невиданные выгоды своим помощникам и вдохновляла на свершения даже осторожного Мазурина. Он не очень понимал, зачем ему это, но предпочел довериться древней ведьме.

– Твой Ноэль далеко зашел, – говорила она Василию, прочно обосновавшись в его квартире, пока семья отдыхала на море.

Он боялся ее гнать. Джебзериит смеялась над ним – он терпел.

Она часами изучала сайты с отчетами о построении макросети. Мазурин подозревал, что древнюю куда больше интересовала аномалия и личность ее создателя.

– Стелла тебе в помощь, – великодушно разрешила Джебзериит. – Она из того же мира, что и Дорорея – идейная вдохновительница Роберта.

Мазурин соглашался, выпрашивал девочку, но та была рядовым пользователем, а не программистом или хакером и отчего-то ненавидела главное научное изобретение своего родного мира. Она скучала в московской квартире, рвалась беззаботно бродить по городу, наслаждаться быстротечным детством, ведь именно за этим она прибыла на Землю-56. А Василий лез с заумными вопросами, выводил из себя восьмилетнего ребенка с сознанием пожилой женщины.

– Мне вшили чип в сорок два года, – призналась она, с подчеркнутым вниманием изучая игровую приставку.

Вот как с ней работать?

Василий ежедневно читал обновления на сайте и не находил возможности подобраться к Роберту Ноэлю, пока через Джебзериит не выяснил, в какой тюрьме коротает свои дни бывшая верхушка Общества Зари и куда переводят верных им химер.

Все это не только интриговало, но и настораживало. Василий на миг усомнился – с кем он вздумал тягаться? По древнему поверью, убийца дракона сам становится драконом, убийца нелюдя – уже не человек. И властная поддержка Роберта впечатляла, и команда у него подобралась достойная.

– Нет непобедимых, как нет бессмертных, – утешала его Джебзериит. – Ноэлю удалось победить Орэфа, ты победишь Ноэля. Я слышала, сейчас он собирает медиумов.

Она раздумывала едва ли пару секунд.

– Стелла! – Джебзериит подозвала девочку. – Из тебя выйдет сносный медиум.

Маленькая пилигримка подошла, преданно глядя на древнюю химеру.

Ладонь Джебзериит слабо засветилась, опустилась на высокий лоб. Стелла вскрикнула, отпрянула, но Вестница другой рукой рванула на себя светлые пряди. Девочка ахнула, осела на паркет, а Джебзериит держала наливающуюся призрачным огнем руку на ее голове.

Василий смотрел на экзекуцию, распахнув глаза и забывая дышать. Из рта ребенка текла пена, зрачки расширились, хрупкое тельце подергивалось.

– Довольно с тебя. – Джебзериит выпустила Стеллу.

Та растянулась на полу с блаженной улыбкой.

– Что с ней? – Василий не знал, звонить ли в «скорую» или самому бежать от опасной покровительницы за тридевять морей.

– Ничего вредного, – жестко отрезала Вестница. – Встанет, отряхнется и отправится к психологу рассказывать о ярких видениях. После этого малявке прямая дорога на прием к Ноэлю. Он таких пачками собирает, особо впечатлительных в Барск возит. А уж она постарается понравиться, правда, дочурка?

– Да-а, – счастливо выдохнула девочка, потягиваясь на полу.

– Формируй команду, – приказала Джебзериит Мазу рину.

И он старался, как мог. Сам вышел на оппонентов профессора с французской фамилией и самого ярого врага – Максима Белякова, пообщался с ним, свел с Джебзериит и Стеллой.

Может, не все так плохо и он движется к своей мечте? Кто знает, как извилист и долог будет путь до цели?

Тогда-то в голове Василия Мазурина и созрел план. Из всех людей, собранных Джебзериит, ученый выделил одного, наиболее осведомленного и активного. Звали его Карл Травни-

ков. Как выяснилось, именно Карл выполнял в Обществе Зари особые поручения Орэфа и, о чудо, был талантливым программистом и уже прошел отбор в команду Роберта, собирався ехать в Барск, попутно выручать Рюкина и Верховицыных.

Вдобавок ко всем личным качествам у Травникова обнаружился очень приятный доводок – пять десятков химер, выращенных по заказу Орэфа в зарубежных лабораториях. Когда нелюдей доставили в Россию, Джезерит возила всех приближенных на подмосковную дачу смотреть, знакомиться. К каждой химере подходила, пристально смотрела в глаза. До этого подвластные только Карлу твари были готовы есть у нее из рук и преданно лизать пыльные ботинки.

Карл благополучно переждал августовские и сентябрьские облавы в Англии и возвратился из Оксфорда в Москву, полный весьма амбициозных планов. Он не был пилигримом, но обладал способностями хамелеона и природного психолога, легко входил в доверие, а сам не торопился откровенничать с другими.

Порой Василию казалось, что Джезерит души не чаёт в Травникове, он даже начал опасаться, что окажется не у дел. Но древняя химера – Вестница, успокаивала:

– Я в людях не ошибаюсь, ты мой главный козырь.

В самом конце сентября Джезерит со Стеллой переехали в город Реутов, в квартиру, некогда принадлежавшую прежним хозяевам их тел. Это была тесная однушка в многоэтажке, но светлая, ухоженная, со смешной полосатой мебелью, веселыми детскими обоями с кроликами и морем детских игрушек повсюду.

В назначенный час Мазурин встретил у подъезда Стеллу, проводила внутрь, где на тахте его уже дожидался Карл Травников, а на полу была развернута тонкая рамка переносного голографа.

– Как я понял, теперь Общество Зари – это вы.

На круглом лице Карла цвела приятная улыбка. Костюм из мягкой светлой ткани делал фигуру гостя еще толще и неповоротливей.

– Мы, мой друг, – пропела Джезерит, ставя перед ним чашку с настоем ароматных трав. Она присела на подушку в ногах у гостя, точно была его служанкой.

«Почему она скрывает свою натуру? Почему твердит другим, что всего лишь безобидный, бесталаный пилигрим? – маялся подозрениями Василий. – Чем мне грозит ее помощь?»

– Как пожелаете, – легко согласился Карл. – У меня для вас привет от английских коллег. Слышали о Союзе пилигримов?

Никто о таком не знал.

– Я сейчас свяжусь с его главой, и он сам все расскажет. Из-за гибели Орэфа и недоступности Ильи Рюкина я уполномочен вести переговоры с вами.

Пока Стелла раскладывала по тарелкам кексы, он вынул планшет, ткнул пару раз в экран, и из лежащей на полу тонкой ленты голографической рамки в потолок ударил столб света. Джезерит пультом затемнила окна, но Василий успел заметить торжество в ее глазах, точно женщина выиграла баснословный джекпот в лотерею.

Вопреки ожиданиям, изображение над рамкой проявилось не объемным, а плоским. Зрители вначале увидели тесную, но со вкусом обставленную комнату, картины на стенах, ковры на полу, леопардовую обшивку мебели. Изображение чуть сместилось, и в зеркале отразился крошечный беспилотник размером едва ли больше стрекозы. Именно он передавал изображение. Над стрекозой в воздухе плыла такая же крошечная картинка – четверо переговорщиков из Реутова. И только потом в поле зрения камеры появился сам герой.

В детстве Василий Мазурин обожал фильмы про отважных покорителей диких стран, искателей сокровищ, путешественников. Человек на экране словно явился со съемочной площадки приключенческого кино. На вид лет тридцати – тридцати пяти, жилистый, муску-

листый, загорелый, с волевым открытым лицом, чисто-голубыми глазами, пшеничными, зачесанными набок волосами. Легкая щетина дополняла образ. Герой был облачен в светлую, расстегнутую до середины груди рубашку, потертые джинсы с блестящей пряжкой на ремне. Мазурин даже присмотрелся, нет ли кобуры с пистолетом.

Человек белозубо улыбнулся, поздоровался на английском:

– Хай!

Карл приподнялся, поклонился и кратко по-русски пересказал, где он находится, кто присутствует в комнате.

– Прекрасно, – на чистом русском ответил потенциальный киногерой. – Мое имя Гильермо Карвел. Я, скажем так, Магистр Союза пилигримов.

Василий Мазурин рассматривал тяжелые командирские часы на его руке, болтавшуюся на шейном шнурке пустую гильзу и с сожалением думал, что он сам никогда не будет выглядеть столь эффектно.

– Вы хотите нам что-то предложить? – поинтересовалась Джемезерит.

Гильермо улыбнулся:

– Союз действует на всех континентах. Неохваченными остались лишь Россия, Китай и ряд мелких стран. У нас с Орэфом были разногласия.

Он вышел из комнаты, оказавшейся каютой. Камера вылетела следом.

Зрители смогли полюбоваться разлегшимися в шезлонгах на палубе красотками в бикини, официантом с подносом, уставленным коктейлями и сладостями, трепещущими на ветру флагами, синей далью моря с зелеными пятнами островов. От этого сентябрьская промозглая погода средней полосы России показалась чуть ли не проклятием, преддверием зимнего ада.

«Он ведь нас заманивает, – понял Василий. – Внешностью, картинкой красивой жизни. Мы смотрим рекламный ролик и покупаемся на обещания. Орэф же не дурак был!»

Но ни Джемезерит, ни тем более Стелла словно не замечали глянцевой вывески с распродажи счастья. Или у них, пилигримов, у всех мозги набекрень? Радовались сильному помощнику? Или хотели чего-то еще, о чем он, Мазурин, не догадывался?

– Союзу пилигримов более тысячи лет, – продолжал Гильермо. – Мы следим за событиями в мире. До недавнего времени нашей основной целью было преумножение капитала.

– Как долго ты у руля? – не удержался Василий.

Все та же улыбка кинозвезды в ответ.

– Пять лет из одиннадцати в этом мире (в вашу эпоху?). Еще двадцать три года я провел здесь во времена Елизаветы Первой, был, кстати, дружен с Френсисом Дрейком, знал Уильяма Шекспира, – не преминул похвастаться он.

Василий с удивлением отметил, как поскучнело лицо Джемезерит. Что за планы у этой древней?

А Карвел тем временем продолжал:

– В вашей стране несколько консервативные взгляды на власть. Ни за женщиной, ни тем более за ребенком люди не пойдут. Карл мне нужен на оперативной работе. Поэтому я назначаю своим представителем здесь Василия. Я много о тебе слышал, читал твои труды, – похвалил его чужестранец. – Надеюсь, ты справишься. Сейчас не время и не место для подробностей сотрудничества. – Он неожиданно заторопился. – Я передам координаты для связи через Карла. Кстати, Карл, я слышал, ты теперь разрабатываешь макросеть?

«Зачем ему? Макросеть достанется мне и только мне!» – потихоньку закипал Мазурин. Подачки чужака его не впечатлили. Какой прок от назначения главным рабом такого могущественного чудовища? Он так надеялся, что Джемезерит со временем потеряет интерес к разработкам Ноэля, и он, Василий, тихо приберет все к рукам.

– Да, я и сестра Альбина, мы в проекте, – просто ответил Карл. – Она уже на месте, я выезжаю в Барск послезавтра.

– Хорошо, не спускай глаз с Ноэля и Соловьева. Мне нужны они живые и ручные.

Еще одна искусственная улыбка, прощальный взмах рукой, золото пляжей тропических островов вдали...

Сеанс оборвался. Изображение растаяло, как тает волшебный, невероятный сон или детская наивная мечта. И Мазурин вздохнул, понимая, что от него здесь ничего не зависит.

– Что скажете, помощник Магистра? – холодно поинтересовалась Джезерит.

«Почему она такая мрачная? Оттого, что не сама встала у руля? – пытался докопаться до истины Василий. – Так она никогда и не рвалась быть на виду. Хоть она и древняя-древняя химера, или, как она себя именует для солидности, – Вестница, все одно – баба. Вон Марина Верховицына большое дело своими склоками и интригами загубила, Орэфа подставила. А у нее было все, включая армию послушных химер. Эх, мне бы армию!»

– Будем работать, – вместо этого ответил он женщине.

Та лишь рассеянно кивнула, прикрыв глаза. Там, под теплыми складками век, дрожали звезды, трубным китовым ревом вибрировал далекий сигнал, отзывался пульсацией в ушах и жжением в венах, пьянил и дурманил. Зов пронизывал пространство, шелестел в листве, одаривал видениями чувствительных людей-медиумов, исходя лишь из одной точки Земли – из аномалии под Барском.

Земля-1. Российско-Китайско-Индийский Союз (РКИС). 2099 год. Эдуард Смолин

Этот район города, словно в насмешку прозванный Вавилоном, был оставлен людьми двадцать четыре года назад. Когда-то давно изящные, суперсовременные высотки блестели синевато-зелеными стеклами, тянулись к укутанному смогом небу, были украшены висячими садами и оранжереями. Молодые насаждения, которым предстояло однажды стать пышными парками и аллеями, пристроились вдоль широких автострад. Стадион и торгово-развлекательные центры обещали разнообразить досуг горожан. Здесь селилась элита, политики и кинозвезды, разворачивал съемки Болливуд. Сюда переводили офисы крупные корпорации. Увы, процветание оборвалось в один день.

Беспощадный теракт противников РКИСа ужаснул даже самых толстокожих, заставил немногочисленных выживших в панике возвращаться в привычную толчею перенаселенного мегаполиса.

Именно двадцать четыре года назад неизвестные распылили над Вавилоном отраву. Та убивала на улицах, проникала в помещения, вызывала удушье и медленную мучительную смерть. Больше пяти лет район оставался мертвой зоной. Никто из охочих до чужого добра воришек не вернулся назад.

Потом зараза выветрилась, и сюда потянулись бедняки, мелкие бандиты, даже какая-то воинственная секта заняла здание на берегу реки.

Эдуард Смолин никогда не интересовался жизнью Вавилона. Ему достаточно было знать, что никто из властей не заинтересуется его поездками по мертвым кварталам, не придаст значения взрывам за пределами города.

Там, где обрывался вымерший район, на холме перед руинами строительных временок саперы заложили особый заряд. Два недостроенных небоскреба мрачно нависали над импровизированным полигоном, поблескивали зазубренными осколками стекол. С верхних этажей сползала бахрома лиан. Даже если внутри кто-то прячется, должны знать – визит главы центра миграции в мертвый район не сулит ничего хорошего местным бродягам. Но все равно, откуда это ощущение слежки, возникшее несколько дней назад? Слежки постоянной, гнетущей, точно кто-то притаился где-то совсем рядом? Пусть следят, у него охрана, адвокаты, у него влиятельные отец и брат в конце концов!

Теплый ветер перебирал темные волосы Смолина, норовил сорвать капюшон куртки, сыпануть пыли за массивные очки. Молодой человек обернулся к свите, предусмотрительно отключил чип, дал знак начинать. Секретарь коснулся черной кнопки пульта.

От взрыва в нескольких кварталах выбило остатки стекол. Не укройся Смолин и компания за гравитационным щитом в полукилометре от эпицентра, досталось бы и им. А так только у одного из помощников – молчаливого парня по имени Джиан, закоротило чип. Парень зашатался, замахал руками, теряя ориентацию в пространстве.

Стоявший рядом Смолин кивнул свите, чтобы помогли неудачнику, и немедля отвернулся, напряженно всматриваясь в сорванную взрывом вершину холма. За ним качались чахлые травы, вдали тянулся длинный забор, отделяющий агропоселения. Ярко-синим цветом он словно подчеркивал бледный, выцветший оттенок осеннего неба. Но сквозь сверхчувствительные очки Смолин видел лишь развороченную землю. И ничего над ней. Очередной нанятый «специалист» – медиум лишь хлопал глазами, так и не придумав, что сказать заказчику.

С медиумами вообще вышла загвоздка. Пусть это занятие высмеивалось «настоящими» учеными и порицалось церковью, всякого рода шарлатаны на территории РКИСа

процветали. Эдуард уже распрощался с четверыми. Пятый «гений» тоже доверия не внушал, хотя активно зарабатывал на желающих пообщаться с умершими родственниками.

«Он тоже ничего не видит и не слышит, бездарность!» – разочаровался Эдуард.

– Подойдем поближе? – услужливо осведомилась свита.

– Нет, и так понятно: снова прокол. Вы все проверите, через два часа жду подробный доклад о причинах провала.

Он потерял интерес к бегущим к холму людям и направился к машине.

Осторожно ступая по рассыпанному по остаткам асфальта мусору, Эдуард еще раз обернулся через плечо на опустевшие недостроенные небоскребы, поле с руинами временок строителей. Ничего, у него все получится, он только в начале пути. У Беты было куда больше времени, чтобы достичь всего, что теперь принадлежит ему, Эдуарду.

Машина легко миновала опасные трупы, ветхий мост через искусственный канал. Смолин удивился, заметив, что под укутавшими берега ивами скользят легкие лодочки. Где-то грянул новый взрыв. Это бедняки глушили рыбу, гортанно перекликались с дежурившими на соседнем мостике людьми.

Прочь из этого дикого места, к цивилизации! Он активировал чип, проигнорировал немедленно выскочившее перед глазами рекламное приветствие, перевел связь с макросетью в режим ожидания.

Город начинался старыми постройками провинциального русского поселения, сейчас почти нежилыми, сменялся кричаще-яркими кварталами чайна-тауна. Чип назойливо вывел значок конверта в левом нижнем углу обзора. Кому-то не терпится пообщаться!

Пришлось скосить глаза на картинку, разворачивая сообщение, заодно заглянуть в услужливо высветившиеся рядом с основным текстом биржевые сводки.

«Прошу предоставить подробный отчет о состоянии тела моей дочери Марии Ивановой и о возможности хотя бы временного возвращения ее сознания в тело. Александра Иванова», – гласило сообщение. Ох уж эти родственники, никогда полностью с миграцией смириться не могут. Он проверил имя по базе и присвистнул. Знакомая особа под ником Дорофея, он лично отправлял ее на Землю-56. Девушка ценная, ее беречь надо. Он ведь только начинает выстраивать бизнес.

Эдуарду Смолину исполнилось девятнадцать. Выглядел он гораздо моложе, но не стеснялся этого. Наоборот, многие деловые партнеры комплексовали, впервые видя перед собой высокого серьезного парня, почти мальчика.

Смолин-младший с двенадцати лет зарабатывал деньги. Вначале выстроил торговую сеть в школе, потом принялся помогать отцу с братом, контролировал поставки продовольствия в целом районе. Он даже учиться пошел после школы, но быстро убедился, что книжные стратегии, красивые бизнес-матрицы и замысловатая болтовня консультантов имеют мало общего с реальной жизнью предпринимателя. Они не учат с полувзгляда находить возможности для заработка, а значит, бесполезны.

Подозревали, что он мигрант. Смолин не подтверждал и не опровергал эти слухи, хотя искренне посмеивался над ними. Он не представлял, что значит отказаться от прежнего себя, отправиться в путь в поисках нового мира, новой жизни. Зато был благодарен отцу и человеку по имени Роберт Ноэль, явившемуся в их дом в теле ребенка.

Роберт был смешным, толстым, неповоротливым, величал мигрантов пилигримами, говорил странные слова. Но платил чрезвычайно щедро. За скромную помощь ребенок одарил папочку революционными технологиями, подсказал, как прибрать к рукам модные центры миграции.

Благодаря Ноэлю и влиятельному отцу после таинственной и бесславной кончины Венедикта Горбунова, больше известного как Бета, в подчинении Эдуарда оказались четыре центра миграции, которые теперь носили название «Компания Приют пилигрима», а также

удивительные технологии и обширные связи. А главное – ему достались дневники Беты. Тот странный мигрант доверил бумаге слишком много личного, сокровенного, темного. Стоило сказать Бете «спасибо». Цветы, что ли, в зал памяти при крематории отнести?

Когда Эдуард впервые обнаружил тетради в бывшей квартире Беты, он не придал значения этой писанине. Мало ли что поведал бумаге ископаемый мигрант? Но отец не позволил выбросить записи, напомнил, что прежний глава центров миграции происходил из одного мира с Робертом Ноэлем. Уже этот факт заставлял уважительно относиться к его наследию. И Эдуард, скрипя зубами, засел за расшифровку дневников.

Читать рукописный текст было мукой. Безрезультатно провозившись с программа-анализатором, Эдуард плюнул на технические новинки и самостоятельно принялся вникать в крученую мятую проволоку почерка Бетиных дневников. Он приходил в бешенство от прыгающих вверх-вниз строчек, немыслимых сокращений, невнятных чертежей и заметок на полях – мелких, торопливых и оттого заваленных на правый бок.

Буквально через две недели Смолин-младший набрел на следующую заметку:

«Я окончательно убедился, что «отец» моей Даши Орэф, Координатор и Джезерит, та молчаливая женщина, которая помогала мне в прошлом воплощении, – существа одного круга. Кто они такие, у меня имеются догадки, но я покамест промолчу, дождусь Дашу В таких вещах она разбирается лучше.

Вчера в очередной раз пытался связаться с кем-нибудь из них. Жаль, талант медиума у меня и Альфы слабей, чем Дашин. После серии из шести взрывов мы получили минимальной отклик. Координатор молчит. Зато Орэф ответил, что Даша давно ушла в иной мир. Если она попала ко мне, почему не отзывается? Я невысказанно скучаю! Так хочу ее обнять.

<неразборчиво> Продумал, как усовершенствовать взрывное устройство, чтобы на время истончить границу миров и связаться с Координатором. Мне недостает его совета, не хватает технических знаний. Из каких бы бездн ада он ни выбрался, в том, что касается техники, он бесподобен.

Я исполню данное ему обещание, создам Эдем на своей родине. Но здесь будет мой мир, мое царство – единоличное, уникальное. Центры миграции расцветут по всему континенту <неразборчиво>. Удалось бы вышвырнуть отсюда Леона и Лидию, я бы быстрее встал на ноги. От Альфы я избавлюсь <неразборчиво>. Дашенька, где же ты, я тоскую».

Дальше следовал чертеж с пометками технического плана.

Смолин тогда серьезно обдумал прочитанное, разыскал в Бетиных каракулях подробности проекта «Эдем», высчитал возможную прибыль от общения с «помощниками» и нанял инженеров. Раз он и так занят тем, за что некие существа платят технологиями, почему он должен упускать выгоду?

Авто притормозило на светофоре, и Смолин выглянул в окно. До встречи с Робертом он не верил в мигрантов, насмеялся над ними. Теперь сам заглянул за грань неведомого. Бета придумал способ подключаться к телам людей, отправленных в параллельные миры, и наблюдать за их жизнью под иным небом. В один из таких сеансов через новенькую мигрантку по имени Стелла Бачурина приборы центра засекли странный сигнал, слишком напоминающий сигнал SOS. Это заставило Эдуарда вновь зарыться в записи Беты.

– Джамал, – окликнул водителя Эдуард, – покружи по центру, мне надо подумать.

Земля-56. Город Барск. 11– 12 октября. 2036 года. Дорофея

Похолодало слишком резко и неожиданно для Доры. I Только что миновал сухой, теплый сентябрь, и вот после вчерашнего дождя краешки луж украсились тонкой ледяной корочкой. Ветви кустов и деревьев под монотонную мелодию ветра тихонько перестукивались, словно желали передать кому-то тайное послание. На липах болтались последние скомканные побуревшие листья.

Семейство Ивановых все-таки перебралось в Барск в служебную квартиру. Глава семьи, Леонид Алексеевич, устроился преподавать политологию и социологию в местный университет. Его кабинет был на том же этаже, что и кафедра физики, которой заведовал Бронислав Соловьев. Александра Михайловна Иванова теперь работала в центре клонирования под началом Ники. Вот такие интересные дела получались.

Дорофея подняла голову, щурясь на убывающее с каждым днем солнце. Сегодня в школьном дворе было относительно тихо. Мороз спугнул малышня, да и завсегдатаи-футболисты оказались одеты не по погоде.

Ветер принес застарелый запах гари с торфяников, заставил девушку втянуть голову в плечи, поправить тонкий шарфик. До занятий оставалась четверть часа. Машка уже десять минут как умчалась с новыми знакомыми готовиться к контрольной. Гордо задирая нос, прошествовала мимо Роксана и скрылась за высокими стеклянными дверями школы. А Дорофея не торопилась, вслушивалась в перестукивание ветвей, чириканье воробьев, облепивших куст жасмина у забора.

Весь выпускной класс, во всяком случае до нового года, Доре и Марии Ивановой, ее местному двойнику, предстояло отучиться в разных группах. Машка продолжала листать привычные учебники, углублять познания в науках. А ее, Дорофею, отправили в специальный класс к таким же, как она, «братьям по разуму» – выходцам из разных миров. Биологически «детишкам» было от шести с половиной до тринадцати лет. Реально двое разменяли вторую сотню. Искры их душ не один раз пересекли грань миров и теперь с любопытством осваивались на новой территории, получали информацию о Земле-56, делились историями путешествий. Сегодня, например, Дора подготовила доклад о политическом устройстве РКИСа в сравнении с местной Россией.

– Отрываешься от коллектива?

Голос Роберта Ноэля за спиной заставил ее вздрогнуть. Ученый вылез из белого внедорожника, на ходу застегивая рыже-желтую куртку.

Дора неопределенно пожала плечами. О чем ей общаться с другими пилигримами? Книжек они не читают, музыку не слушают, Интернетом интересуются только как средством получения информации и общения. Теперь-то она поняла, сколь тяжело с ней самой приходится Маше! А вот терпит, не гонит, даже прошлые обиды прощает.

– Ты про набор новых людей для макросети? – спросила она.

С Робертом последний месяц она общалась лишь в виртуальном пространстве. С укатившим в Москву Лансом тоже.

– Не-а, там и без лишних бездельников все хорошо.

Ученый пожал ее руку и улыбнулся, как показалось девушке, не совсем искренне. Он обернулся на группку смеющихся молодых людей, откинул со лба седую прядь и огоршил:

– Через аномалию пробивается сигнал бедствия. Еще с августа. Это раз.

Он принялся загибать пальцы на левой руке. Доре это не понравилось. Что, опять какие-то козни-заговоры на свет вылезут? Или из старого Общества Зари не всех переловили?

– Несколько человек со способностями медиума утверждают, что кто-то смотрит на мир их глазами. Такой же фокус с тобой проделывал Бета. Это два, – загнул безымянный палец профессор.

– Я служила передатчиком информации, – поправила его Дорофея, ощущая нехороший холодок на спине. Неужели пилигримам никогда не видать покоя?

– В-третьих, – безжалостно продолжал отсчет собеседник, – мне самому нужны медиумы. Ты и крокодиленьш идеально подходите. Потому-то я здесь. И не только.

Крокодиленьшем Роберт Ноэль звал Роксану Верховицыну свою подопечную, на редкость неприятную девицу, способную голосом загипнотизировать практически любого. Перебороть ее приказ мог только другой гипнолог, и то не всегда. В силе ее команд Дора с Машей убедились лично, когда без всякой видимой причины сбежали из Барска с юными байкерами и рванули в Москву.

– В-четвертых...

Ах, еще и в-четвертых! Девушка ощутила, как поднимается желание топнуть ногой, развернуться и уйти. Тем более с минуты на минуту зазвенит звонок.

– Через аномалию мы можем задаром получить связь с твоим миром. Угадай зачем?

То, что в рукаве этого чародея от науки спрятаны крапленые карты, девушка знала давно. Чем или кем он готов рискнуть ради новых знаний? Для чего оставил «неуничтожимую» другими аномалию? Дора даже позабыла, что продрогла, прослушала далекий звонок. Мимо вприпрыжку пронеслись любители поваляться в постели до последнего. Теперь в дневнике девушки появится первая отметка о нарушении дисциплины.

– Не догадываюсь, – осторожно ответила она.

Как жаль, что Роберт нечитаем для природных психологов вроде нее. А по хранящему летний загар узкому лицу эмоций не угадать.

– Не вижу смысла изобретать велосипед. Хочу подключиться к макросети и скачать готовое программное обеспечение, настройки ее параметров, часть программ, другие данные. Это не воровство в привычном смысле, – видя, как нахмурился лоб девушки, поспешил успокоить ее ученый. – Я готов запатентовать изобретения на имя реальных людей из твоего мира, если ты скажешь это сделать. Но, согласись, мы отделены от них космическими безднами расстояния и шестьюдесятью тремя годами времени. Их будущее у нас никогда не наступит. А нам нужна защита от потенциального вторжения создателей Орэфа и Координатора. Да от таких же роботов, как они!

– Я, конечно, бывший хакер, – осторожно начала Дорофея, – я понимаю, что это не преступление. Но по грандиозности замысла...

Она не находила слов. Он не говорил слишком многого, боялся того, что знал.

Роберт потерял плечо. Никто здесь не знал, что в начале сентября в профессора стреляли. Кевларовая рубашка и тонкий бронезилет удержали пулю, охрана прикрыла и сняла снайпера. Неудавшегося убийцу приволокли к машине Ноэля, вызвали «скорую».

Смертельно раненный оказался «диким», необученным медиумом. Его мучили видения о космосе и пузатых полупрозрачных существах среди звезд, о молниях в небе, горящих домах, взрывающихся нефтепроводах и профессоре Ноэле как виновнике общего безобразия. И о женщине с тысячей лиц, которая все это прекратит.

Неудачливый сумасшедший снайпер ничего больше не сказал, умер за две минуты до прибытия врачей. В другой раз Роберт посмеялся бы над безумцем, будь безумец один. Так нет же, известных случаев перевалило за тысячу, даже Роксане что-то там мерещилось –

мистическое и невнятное. Спросить бы у Доры про видения, но не сейчас, иначе помогать не будет.

– У меня в голове не укладывается спланированная тобой афера! – призналась девушка. – Ты поэтому оставил аномалию?

– Хуже. – Собеседник расплылся в многообещающей улыбке. – Я ради этого хочу отговаривать у правительства всех химер!

Все уроки Дора просидела в задумчивости, слушала учителя и одноклассников рассеянно, рисовала в планшете закорючки. Даже Маха забеспокоилась, прибежала на перемене спрашивать, что случилось. Роксана, чьи эмоции мигрантка теперь чувствовала почти так же ярко, как и своего двойника, тоже бросала в их сторону настороженные взгляды.

В обеденный перерыв Дорофея не пошла в столовую, поднялась на второй этаж, отыскала свободный незапертый кабинет. Точно в насмешку, это оказался кабинет восточных языков – китайского и корейского. Но девушка сейчас не была настроена на воспоминания о родине. Ее куда сильнее волновал визит ученого. Поэтому Дора вытащила планшет, развернула на полу рамку голографа – восьмиугольную, тоненькую, – ступила внутрь контура. Стоило подключиться к Интернету, нажать вызов, и девушка оказалась в полупрозрачной колонне света.

– Ланс, откликнись, пожалуйста!

Ответа пришлось ждать минут десять. Призрачный силуэт юноши возник рядом. Сейчас Ланс выглядел чужим, официальным, как диктор из телевизора или политик, – в строгом костюме, при галстукке, волосы подстрижены, зачесаны назад, лицо сосредоточенно и серьезно.

– Привет, что случилось? – Он улыбнулся; мнительной Доре показалось, что неискренне.

– Что ты знаешь о делах Роберта? – Она не стала тратить время на пустую болтовню, и так вчера почти час проболтали. – О его желании скопировать информацию из макросети Земли-1.

– Через вас с Роксаной? – невинно поинтересовался юноша.

Значит, знал и все дни молчал! Как ему верить после всех недомолвок?

– Мне рассказывал Левашов. Я не одобряю подобного, но боюсь, что при нынешних технологиях мы мало что сможем противопоставить создателям Орэфа. Тем более спорить с доком все равно что встать на рельсы и попытаться руками затормозить разогнавшийся товарняк.

Дора помолчала. В чем-то он прав. Тот же Орэф сколько бед причинил! Одним своим присутствием он лишал людей способности критически мыслить. Сам Ланселот...

– Поговори с Ксаной о ее родителях, – точно прочитав ее мысли, напомнил он, – как они поддались на уговоры пришельца.

Девушка кивнула. А он отключился, умчался по делам, куда более важным, чем ее заботы.

Ей было очень грустно оттого, что Ланс отдалился. Он учился в Москве в университете на особом историческом отделении и уже сейчас ассистировал ученым в машине времени, помогал восстанавливать подлинную историю Земли, не замутненную личными суждениями и предрассудками. Он составлял карту открытых миров, описывал их жителей, ключевые события прошлого. Он мог об этом говорить часами. Зато все меньше интересовался делами Барска.

«Он позабудет меня, пока я окончу школу. Он совсем меня забудет!»

Она все раздумывала, как изменился ее друг, и тут прибежала Машка.

– Ты чего не в столовой? Там сметанный пирог дают на десерт!

Клон покачала головой, сложила расстеленную на полу рамку, та стала похожа на металлический бумеранг, только чересчур толстый и угловатый. Зато помещалась в сумке через плечо. Планшет девушка отключила, скатала в аккуратную трубочку и пристроила во внешний карман.

– Опять что-то затевается, – призналась Дора двойнику и коротко пересказала беседу с ученым. – Роберт меня пугает и восхищает одновременно.

Машка поплотнее прикрыла дверь в класс, присела рядом на парту, принялась болтать ногами.

– Ты вчера была на уроке, – негромко начала она. – Я поехала к маме в центр клонирования. Ей конверт пришел с пометкой «срочно». Потом я решила навестить Нику. В кабинет к ней не попала, зато кое-что услышала. – Машка понизила голос: – Сюда переводят три десятка химер. И это только первая партия! Прикинь! Грандиозный эксперимент намечается. У этой затеи много противников, но Роберт настаивает.

С улицы донеслись смех и крики. Потеплело, и мальчишки снова гоняли мяч. Солнце уверенно тянулось через окно, оставляя на полу разлапистый след от приклеенного к стеклу бумажного кленового листка. На листке красовались красно-коричневые иероглифы, и Дора нехотая с сожалением подумала, что не закачала в чип, когда была возможность, китайскую или любую другую иностранную грамоту.

– Я не люблю быть в неведении!

Машка болтала ногами и разглядывала яркие изображения Запретного города, сменяющиеся на настенном панно фото с поездки в Сеул лучших учеников, гривастую статуэтку китайского льва на учительском столе, бумажных драконов под потолком.

– В прошлый раз нами сыграли как куклами, выманили из города. Имей мы чуть больше информации, наделали бы куда меньше глупостей!

– И ты бы не познакомилась с Гошей, – подколола ее клон.

Она была согласна с «сестренкой». Лучше быть в курсе событий сразу, чем потом жадно глотать пыльные капли мешаной-перемешаной со слухами и домыслами информации. Чем чувствовать себя теннисным мячиком.

– Ланс с нами заодно? – продолжала Маха.

– Не знаю. Надеюсь, – пожала плечами мигрантка.

Машка нахмурилась, но не стала додумать своего клона расспросами. Вместо того сказала:

– Гоша точно с нами. Он сегодня после университета придет к Алине Григорьевне на индивидуальные занятия.

Гоша, Махина любовь, оказался природным психологом. При первом обследовании его отбраковали, как не подающего надежд. Но после августовских событий сенсы пересмотрели свое решение. И теперь парень занимался в учебной группе при школе, развивал свои таланты.

– Помнишь, что сегодня у наших концерт?

Дора поманила Машу за собой. Стоило навестить столовую, если там еще хоть что-то осталось. Следующий урок через пятнадцать минут.

– Больше всего меня расстраивает, что придется помогать Роберту на пару с Верховицной, – пожаловалась Дорофея, спускаясь по лестнице.

Впереди девушку ждали два часа совместных с Махой занятий у личного тренера-психолога, потом еще три часа индивидуальных тренингов. Предстояло разбираться в законодательстве принявшего ее мира. А потом у нее была запланирована культурная программа.

Концерт группы «Трюк Коктейль» начинался в университетском клубе через полчаса. Женя по прозвищу Джон – высокий, чернявый, лопухий второкурсник настраивал гитару.

Таня, чаще отзывавшаяся на имя Тигра, миловидная девушка с мелированными волосами и открытой улыбкой, установила пюпитр с нотами, положила на подставку флейту, расчехлила гитару. Молчаливый, вечно серьезный Вадим устроился за барабанной установкой. Игравший на банджо Руслан не торопился, проверял освещение, руководил восседавшим за пультом Гошкой. Не стоило торопиться, раз про мелодии кантри в «Трюк Коктейль» вспоминали ближе ко второй части концерта.

Ленка, ни на чем, кроме чужих нервов, играть не умевшая, вместе со своим другом Лешкой украшала сцену. Ира распевалась в тесной гримерке. Андрей Соколиный Нос в холле проверял билеты, Кирилл предлагал за символическую плату сразу закачать в плееры зрителей песенную подборку группы.

Дорофея с Машей наблюдали за всеми приготовлениями из зала. Они с трудом уговорили родителей отпустить их на столь поздний концерт. Сейчас девчонки прислушивались к шуму толпы за дверью. Ивановы целую неделю помогали с рекламой концерта. Раздавали нарисованные Русланом листовки в школе и центре клонирования, рассылали приглашения по электронной почте.

– Полная готовность! – сверившись с часами, выкрикнул Гоша.

Зал внезапно погрузился в полумрак. Лишь желтые лампы очерчивали черный абрис сцены, укрывшейся за голографическим занавесом.

Дора любила песни «Трюк Коктейля». Благодаря дару природного психолога она иначе, чем большинство людей, ощущала их творчество и ответные эмоции слушателей.

Двери распахнулись, люди хлынули в небольшой зальчик. Предвкушение предстоящего действия захватило мигрантку врасплох, повлекло куда-то в неизмеримые дали. Подобного она не ощущала со времен памятного телеэфира.

Стоп, неужели в толпе... Чувство единения со зрителями схлынуло, опало песком к ногам. Дорофея резко обернулась. Нежданная гостья стояла в дверях, невидимая за широкими спинами ребят из байкерского клуба, но благодаря усилиям Орэфа ощутимая всегда. Даже в школе темное пламя маячка горело в сознании мигрантки, указывая, где сейчас обретается Роксана Верховицына.

Нечего о ней думать, портить праздник! Вон Маха пристроилась за режиссерским пультом, перешептывается с Гошей, абсолютно счастливая.

В зале пахло кожей и табаком, перемешанными ароматами духов. Шелестел неразборчивый прибой голосов. Публика собралась совершенно разная – из университета, из школы, даже кто-то из более взрослых пришел.

Свет в зале изменился. Сцена раскрасилась сине-зелеными огнями, точно море. Из-за ширмы в окружении голографических звездочек возникла Ира в длинном платье цвета морской волны. Светлые мягкие волосы держал плетеный обруч с крупными синими камнями. Точно жительница морских глубин, она медленно ступила на сушу сцены, улыбнулась и запела до вступления аккомпанемента. Неожиданно сильный для хрупкой девушки голос завибрировал, забился в четырех стенах, оборвал болтовню.

Ира пела, зал слушал, иногда подхватывал припев, пританцовывал. Дора напрочь позабыла про Ксану танцевала со всеми, растворившись в эмоциях толпы. «Трюк Коктейль» играл стилизованные под народные мотивы авторские песни, рассказывал сказочные истории, переходил к жизнеутверждающему кантри, пытался на свой лад повторить известные рок-композиции. Почти два часа без перерыва сердце мигрантки вторило этим ритмам.

*Ты принес на плечах метели,
Звезды севера в небе зрели,
Две полярных совы летели –
Путь тебе выбирали смело.*

*Ты пришел из запретных далей,
Где моря устлала льдины,
Где горят маяки печалей.
Но пришел ты непобедимым.*

Эмоции вокруг распускались живыми дурманящими цветами, пульсировали и бились вспышками наслаждения и боли, перехватывали горло, уносили в неведомые края разноцветными птицами, и от этого хотелось самой оторваться от земли, обнять всех и каждого...

*Пилигрим. Образ твой люди помнят всюду.
Много лиц и имен ты сменил, чтоб поверить в чудо.
Но запомни, что ты только искра в короне солнца.
Где-то в мире есть дом, где тебе счастье улыбнется.*

Эту балладу еще в начале сентября Женя-Джон написал, услышав рассказ о прошлом Ланса:

*Ждет тебя еще много странствий
И земель, не открытых ныне.
В необъятном подзвездном царстве
Мы с тобою вдвоем пилигримы.*

*Первой брошу клубок под ноги.
Первой дверь распахну. Ты следом?
Мы дадим имена дорогам
И заглянем в чужое небо.*

Когда все закончилось и публика разошлась, Гоша потянул Дору за рукав куртки:

– Пошли домой, ваша мама уже дважды звонила.

– Паникерша! – проворчала Маха.

Она с удовольствием отправилась бы с ребятами в ночной клуб, а то и вовсе поехала бы с байкерами гонять по городу.

Вон все мечты на мордашке написаны заглавными буквами. Роксаны поблизости не чувствовалось, это радовало.

– Пойдем, – Дорофея помахала ребятам, собиравшим инструменты, и направилась к выходу.

От университетского клуба до дома было недалеко, но такси вызывать не хотелось, и они пошли пешком.

После одиннадцати Барск в этом районе пустел. Редкие машины скользили по черноте асфальта. Прохожих вообще можно было заносить в Красную книгу. Темнота льнула к домам, чьи первые этажи – нежилые, магазинные – были холодны и пусты. Окна верхних этажей еще покрывали лоскуты теплого света. Тощие спички фонарей теплились красно-ватыми огоньками.

Маша шла под руку с Гошей. Дора брела чуть в стороне, вслушиваясь в мерное дыхание засыпающего города. После концерта кувшин ее эмоций был полон до краев. Говорить не хотелось, лишь бы донести, сохранить в себе это тепло пережитой радости как можно дольше.

Когда в окружающей действительности произошла перемена, девушка не почувствовала. Улица поплыла вперед, удлиняясь, убегая в бесконечность. Лучи фонарей засияли золотом, заледенели, затвердели, норовя проколоть насквозь. Из города внезапно исчезли все люди, звери. Он опустел, выветрился и теперь взирал на нее мертвыми глазами оконных проемов.

Синий дрожащий огонек разгорался в небе. Он набирал силу, зрел. Синий-синий, как камни на Иркином обруче. Нет, как пламя аномалии – того же идеально-лазуритового оттенка. Кляксы света в окнах дальних домов померкли. Золотые иглы фонарей обесценились до дешевой подделки. От ощущения чего-то неотвратимого у Доры сковало страхом спину и плечи.

В следующий миг все исчезло. Остался привычный Барск и обеспокоенные Маша с Гошей рядом.

– Эй, ты что? – Маха встряхнула ее за плечи. – Встала столбом и стоишь!

Дора потеряла глаза и лоб, избавляясь от остатков видения, и поделилась пережитым.

– Это к Нике, – кажется, не удивилась Машка. – Ты у нас чудная. То Дельту с Орэфом рассмотришь, то пушку изобретешь.

– Не изобрету, а вспомню, – поправила девушка. В августе ей пришлось перевероршить память Дарьи Фелисии, вы удить оттуда воспоминания о пушке, создающей аномалии.

Звонить Нике с жалобами не хотелось. Кувшин был до сих пор полон, и лишние разговоры вычерпали бы впечатления ржавым половником.

Словно в награду за отсутствие лишней суеты, ночью Дорфее снова приснился «кошачий» сон. Дарья Фелисия, погибший двойник Доры, временно отступила, утащила пропахшие тайнами пожитки в мрачную нору подсознания.

Все чаще мигрантка видела, как уносились изучать окрестности две белые кошки, точно сотканые из лунного света. Иногда она могла сопровождать их в вылазках, вдыхать сырой терпкий запах подвалов и пыльный – чердаков, вслушиваться в сонное воркование голубей под крышей, самозабвенно гонять других котов. Но чаще она просто дожидалась в квартире, пока пушистые исследователи возвратятся – усталые и довольные.

Сегодня так и было. Проводив кошек размером с овчарку, она сама отправилась смотреть другие сны – спокойные и светлые. В них не нашлось места натворившей много бед Дельте или иным печалям. Зато снился родной мир, причудливо раскрашенный новыми красками, с куда более ярким солнцем и чистым воздухом. Не сбежавшие в безжизненную пустоту космоса родители. Любимое занятие в макросети – создание инсталляций – невероятно правдоподобных зарисовок, сценок из чужой жизни.

Перед рассветом кошки вернулись, дали полюбоваться лунным блеском их пушистых шкур, одна даже запрыгнула к Дорфее на кровать, неся запах дождя и рыбы. Сама не понимая, что делает, сонная девушка протянула руку – потрепать кота по загривку. И проснулась от возмущенного мяуканья и острых когтей на запястье.

Разбуженная Маша включила лампу. Из-под Дориной руки вырвался рассерженный песочно-желтый Топтыжка. Обиженно задрав хвост, он прошептал в облюбованную коробку из-под бумаг и оттуда высказал все, что думает о человеческой благодарности. Рядом на стуле мякнула в ответ серая Плюшка.

– Час до будильника, – зевнула Маха, трогая выключатель. – Прозвенит, тогда сколько угодно над животными издевайся.

Ого, так в ее сновидениях виноваты кошки? Мигрантка усмехнулась и откинулась на подушки. Что Ника говорила о воздействии метеоритов Пятерки на живые организмы?

Людей эти метеориты, или «камни изменения», одарили необычными способностями. Например, те, кого называли сенсами, могли чувствовать и видеть энергетические потоки, иногда даже управлять ими. Природные психологи, как она и Маша, улавливали чужие эмо-

ции. Хамелеоны умели «отводить глаза», становиться невидимыми для людей и многих приборов. Этот талант не раз выручал Дору А еще она, вот уж нежданная радость, вместе с Роксаной Верховицыной была медиумом. С этой способностью она пока не разобралась, хотя вместе с той же Ксаной заманила в аномалию и помогла уничтожить нелюдя по имени Орэф.

По вине метеоритов или по воле природы среди людей рождались природные гипнологи, такие, как Ксана и ее приемная мать, способные управлять другими при помощи голоса. И еще не пойми кто был. Ника и остальные делились скухими порциями информации, заботливо припрятывая самое приятное напоследок. Теперь вот кошки отметились в списке.

Дора задремала под самый будильник и встала с дурной головой. Вдобавок невыносимо чесалось покрасневшее расцарапанное запястье.

Наскоро позавтракав, девушки побежали в школу под противным осенним дождем. За ночь тот налил глубокие лужи, с которыми не справлялись водостоки. Машины норвили обрызгать, дождь упрямо засекал под зонты. И мигрантка впервые задумалась, когда же настанут каникулы.

У дверей кабинета биологии Дору дожидалась хмурая Роксана.

«Что ей от меня надо? Вчера притащилась на концерт, теперь сюда!» – Иванова гостье не обрадовалась. Верховицына была на класс моложе и в этом крыле школы появлялась редко.

– Ты тоже вчера *это* видела, – глядя на нее темными восточными глазами, сказала гостья.

– Что видела? – Дора поняла, но решила переспросить. Мало ли, она сама еще не до конца освоилась на Земле-1, некоторые вещи ставили ее в тупик, оказывались вовсе не тем, что она ожидала.

– Синий огонь в небе. Роберт говорит, это сигнал тревоги из аномалии.

– Кому-то требуется помощь. – Из-за поворота коридора появился чересчур жизнерадостный Ноэль. Как его пропустили школьные охранники, оставалось загадкой. – Химер привезли в Барск, они волнуются, – добавил он таким тоном, точно провозглашал начало величайшего праздника в истории человечества. – Сегодня сходите только на обязательные занятия, – подмигнул он девушкам. – К часу я обеих забираю в свою лабораторию. Машина будет ждать у ворот.

Всю биологию, географию и историю Дорофее пришлось делать вид, будто ничего не произошло. Английский вообще прошел как бы мимо. Как и химия. Вспомнился разговор с Лансом за день до его отъезда в Москву.

«Почему ты, будучи Лансемасом, мальчиком из убежища, принял на себя обязательства инспектора Константина?» – спросила она его тогда.

В последний августовский день Ланс как раз повел их с Машей в парк аттракционов. Пока Маха в тире тщетно пыталась попасть дротиком в слабо надутые шарики и выиграть зеленого плюшевого зайца, мигрантка учинила своему другу допрос.

Ланс задумчиво подбирал слова, ища подходящие.

«Понимаешь, – выговорил он, щурясь от яркого солнца, – когда твой мир с рождения ограничен темным подземельем, в котором экономят электричество... Где есть два десятка запутанных книг и один неведомо как угодивший в убежище альбом-путеводитель по уже не существующей стране... Где ты в свои десять-одиннадцать лет отлично понимаешь, что никогда не увидишь солнца, появившийся в тебе пилигрим воспринимается как самое чудесное и невероятное приключение.

Тот Костя прожил целых две жизни, повидал неизмеримо больше, чем написано в двадцати книгах и одном путеводителе. Для Лансемаса это стало откровением. Долгими днями и ночами он перебирал его воспоминания, делая их своими, мечтал о побеге, об исполнении

некогда данной Константином клятвы. Он цеплялся за нее, чтобы не сойти с ума в бомбоубежище, все чаще «подглядывал» в чужое прошлое.

Я думаю, только это помогло ему выжить. Во мне есть частичка мстительного Константина, и перепуганного Лансемаса из подземелья, и даже погибшего при разделении Сергея. Я же говорил тебе не раз!»

Тогда ей казалось, они поняли друг друга, избежали недомолвок. Но отчуждение возникло вновь во время долгих виртуальных бесед. Ланса мучило чувство вины за содеянное в полубессознательном состоянии, когда он был заодно с химерами. Дору настораживали его прошлое, немалый возраст, скрытность. Сколько еще темных секретов в его закромах? Сколько недомолвок?

– Иванова!

Она вздрогнула.

Лицо Ланса растворилось, сменилось расплывчатой фигурой учителя. Последний урок, ненавистная химия. Какие-то там кислоты...

– Мне звонить вашему куратору или вы хотя бы тетрадь откроете?

Она рассеянно кивнула, раскрыла тетрадку. Нашла поле с заданием на сегодняшнее занятие, даже сделала попытку перекопировать с экрана формулу реакции. Зачем ей химия, если она не собирается в медицинский?

Едва прозвенел звонок, Дора помчалась в столовую, наскоро ухватила тарелку супа, чай и два куса яблочного пирога. Обедать в компании Роксаны ей не хотелось.

Уже на выходе ее перехватила Маша.

– Куда?

Пришлось сознаться.

– Не вздумай без меня влипнуть в глупости! В одиночку скучно, – жизнерадостно заявила вредный двойник.

Забавно, Доре стало легче.

– Держи. – Она сунула Машке припрятанный кусок шарлотки.

Дора с Машей уселись на заднем сиденье белого внедорожника. Ксана устроилась рядом с Робертом на переднем, гордая и довольная. Как профессор умеет располагать к себе людей – секрет, достойный высшей награды.

На выезде из Барска дежурил бронетранспортер, но военные даже не попытались притормозить белый внедорожник Роберта, наоборот, приветливо помахали проезжающему профессору.

Весь путь Ноэль и компания проделали по довольно качественной асфальтовой дороге. Дора не была в этих местах уже больше месяца и сейчас поразилась разросшемуся вокруг аномалии строительству.

Два пятиэтажных здания из темно-красного кирпича полукругом одно против другого выросли возле белокаменных Тесла-башен, – или как там можно было назвать конические сооружения с металлическими украшениями на вершинах? Сегодня эти украшения напомнили Доре скомканную в кулаке проволоку – такими неровными и несимметричными они были.

– Слезайте, телега прибыла, – объявил Роберт, первым выпрыгивая ровнехонько в лужу.

Ксана с неприязнью оглянулась на парочку позади нее. «Угораздило же связаться», – читалось на ее физиономии. Дора постаралась не реагировать, не ссориться, им еще вместе работать.

Из-за переполненной машинами тесной стоянки внедорожник остановился довольно далеко от здания. Мигрантка разглядела, что достроен и отделан только фасад.

– Идем, – Машка не желала любоваться достопримечательностями, мечтала спрятаться под крышей.

Разогнавшийся в поле ветер силился вырвать зонты из их рук, был готов унести девочнок в далекие дали, точно малышку Элли из мультфильма про Изумрудный город. На днях Дора от нечего делать пару часов просидела с Машкой у телевизора, смотрела мультики без разбора и уничтожала чипсы. Удовольствия от процесса получила мало, но сказочные сюжеты запомнила.

Дом проглотил их, точно кашалот глотает планктон. Маленькие, промокшие, они заползли в пасть широкого проема над крыльцом.

В холле на полу в беспорядке сушились разноцветные зонты. Перегруженные одеждой стоячие вешалки в любой момент были готовы рухнуть на пол. Не особо печалась по этому поводу, Роберт добавил на ближайшую свою яркую куртку, потом Роксанин зеленый плащик.

– Сдирайте шкурки, там жарко. – Ученый заставил Ивановых снять кожаные курточки.

Первый этаж напомнил одновременно и школу, и больницу. Коридор длинный, ровный, много дверей, какие-то люди, шастающие туда-сюда. С Робертом Ноэлем вежливо здоровались, девочек игнорировали: мало ли, какая мелюзга босса сопровождает.

Дора ожидала чего-то экстраординарного, вроде вычислительного центра с мультяшками. Такой центр располагался на замаскированной под хлебокомбинат правительственной базе в Москве. Но первый этаж разочаровал. Здесь резко пахло свежей краской и стройматериалами.

На лифте они не поехали.

– Тут почти ничего не работает, – сообщил Роберт и резво побежал по лестнице.

Второй этаж, третий. На четвертом путь вверх обрывался, хотя Дора четко помнила – этажей здесь пять. Зато профессор вывел их в маленький закуток с высокими металлическими дверьми, за которыми что-то сияло, переливалось.

Ученый небрежно толкнул правую створку. Едва переступив порог, Дора с ужасом осознала – рано она расслабилась! Холода и жути этого гигантского, занимающего два этажа помещения хватило бы на три Антарктиды. Кто там говорил о тридцати химерах в Барске? Здесь нелюдей было под сотню. Словно зрители, они сидели на полу вокруг круглой сцены в центре зала. Каждая нелюдь занималась своим делом, во зилась с картинками, схемами на голографе, что-то вполголоса диктовала, чертила, просто сосредоточенно сидела не шевелясь. А в центре над черной, кажущейся бархатной сценой собирался голографический прибор, бежали строчки текста по висящим экранам.

– Крутой у меня вычислительный центр? – с гордостью осведомился безумец.

А кем еще мог быть Роберт Ноэль с точки зрения Дорофеи? Почему он дал свободу стольким чудовищам? Они же пустые, бездушные, беспощадные! Они Нику чуть не убили, Ланса подчинили!

– Они твои рабы? – не стала церемониться Машка, оглядывая занятых делами работников.

– Через кого вы собираетесь выкачивать информацию из аномалии? – неожиданно устало огрызнулся Роберт; было видно, что эти нападки надоели ему до зубной боли. – Флешку воткнете в землю и запишете? Вот они идеальные приемники и передатчики! Что выудят, то сольют в общий информаторий. На, смотри!

Он сорвал с шеи болтавшиеся на шнурке очки и протянул мигрантке.

Дора надела, включила. И замерла, разглядывая окружающее химер серебристое сияние.

– Это их собственное информационное поле, личная макросеть. Они так решают поставленные перед командой задачи, – пустился он в оправдания.

– Не страшно играть со смертью?

Дора переборола онемение, сделала шаг вперед, посмотрела наверх, куда вели ажурные, как на дирижабле, металлические лесенки. Обшитый светлым деревом зал был опоясан широким балконом. Выше над ним виднелся покаты́й потолок со стеклянными длинными вставками, сквозь которые «светило» переполненное дождем грязно-серое небо.

– Отчего же добру пропадать? Ты их согласна пустить под нож, как свиней на скотобойне? И остальные не смогли. А я подобрал и пристроил.

– Ты сумасшедший, – выдохнула она.

Находиться рядом с химерами было слишком тяжело, мучительно. Казалось, они через трубочку в ее груди неторопливо высасывали эмоции, смакуя каждый маленький глоток.

– Недаром какой-то Максим Беляков на сайте обвинял тебя во всех грехах.

– Он и сейчас обвиняет, судится. Считает макросеть своей идеей. Он-де придумал ее двадцать лет назад и описал принципы работы в какой-то там научной статье. – Роберт не стал дальше распространяться.

Зато Дору тот въедливый дядька порядком достал то угрозами, то призывами к дружбе и сотрудничеству.

– Поэтому ты торопишься утащить данные? – Маха подошла к нелюдям вплотную, заглянула в множасьи́е строчки программного кода и скривилась. – Киргуду какое-то!

Роберт аккуратно отвел ее в сторонку и медленно, точно непонятливой дурочке, принялся объяснять:

– Я не собираюсь воссоздавать Общество Зари или какой-нибудь еще жутко таинственный Союз пилигримов. Который, кстати, действительно есть, по словам Ксаниной родни.

Роксана сердито засопела. О родне она бы предпочла помолчать.

– Но свободные мозги простаивать не имеют права. – Роберт потянул девушек к выходу из зала. – У меня они станут пахать на интеллектуальных плантациях. Заметьте, никакого кнута, одни вкусные пряники – возможность обрабатывать кошмарно-гигантские массивы информации.

Створки двери за спиной захлопнулись, сразу стало легче дышать и думать.

– Завтра-послезавтра в другом здании закончат оборудование второго зала, подвезу ребят из Барска, – продолжал он делиться планами. – Будет у меня бесперебойный конвейер. Одна смена отпахала, другая приступила к работе.

– Я же говорю – рабство, – настаивала Маха.

– Э, нет, рабство по принуждению, а они от этого кайф ловят. – Экскурсия продолжилась на третьем этаже. – Правда, Рокси?

Девушка кивнула. И Дора отметила, что он больше не зовет юную Верховицыну «крокодиленышем», значит, заслужила имя. Ну да, она же системный администратор над живыми компьютерами – химерами! Такую уважать следует.

– Вы только представьте перспективы!

Ноэль зашел в уютный, заставленный книгами и статуэтками под старину кабинет, указал девушкам на коричневый широкий диван. Сам развалился на соседнем, вытянул ноги, сказал кому-то в коммуникатор: «Я на месте, живо поднимайся» – и продолжил речь:

– Если построим устойчивый мост между мирами, представляете, какие знания о технике, физике, химии, медицине добудем? Со временем наладим взаимовыгодный обмен информацией.

Его глаза блестели, щеки покраснелись, пальцы теребили седую прядь.

– Мои друзья составляют подробную карту миров, беседуют с пилигримами. Если все получится и мы сможем связаться хотя бы с теми, кто просит о помощи, у нас будет точка отсчета координат. Однажды, как и Бета, мы определим их месторасположение, узнаем новое о строении Вселенной!

Дора скептически пожала плечами. Все, что касалось Беты, Дельты и всей Императорской Пятерки, вызывало в ней отчуждение и страх.

– Глупые девчонки, – вздохнул Роберт, нетерпеливо поглядывая на дверь. – Прогресс не остановить, но его можно затормозить или ускорить. Благодаря аномалиям две трети страны перешли на добычу дармовой энергии по технологии Николы Теслы. Заметьте, он ее в начале двадцатого века придумал, а сейчас середина двадцать первого. Так что все к лучшему.

«Мне бы твой оптимизм», – подумала Дорофея. Машка была с ней солидарна. Одна Роксана смотрела на профессора с нескрываемым восторгом. Дора даже засомневалась, кто из них двоих гипнолог?

Но тут в кабинет вошел похожий на сказочного волшебника Мерлина Эльдар, Эл. На излете августа медиум тренировал девушек настроиться на вызов Орэфа, много рассказывал об особенностях их дара, но почти не вспоминался все это время.

Одет Эл был, как всегда, экстравагантно. Армейские штаны цвета хаки, на широком ремне болтались непонятные мешочки, брелоки, охотничий нож, хвосты и шкурки животных. Поверх черной, пестрящей рунами футболки висел тяжелый амулет с оранжевым камнем. Короткую городскую стрижку дополняла длинная седая борода до середины груди, через которую был продет тонкий шнурок, образующий чудной узор.

Еще при прошлой встрече у мигрантки промелькнула мысль, что такому персонажу место в макросети, но не под этим небом.

Эла несколько не смутил разлегшийся на диване профессор, он скромно уселся на свободном пятчке, проигнорировал стоящий у компьютерного стола стул с вычурной резной спинкой. Руки у Эла были длинные и тонкие, он бережно пристроил их на коленях, сцепил пальцы в замок, точно без этого они могли рассыпаться и разбиться, и только после этого уставился бледно-зелеными хитрыми глазами на заинтригованных слушательниц.

– Если вы ждете предсказания о полчищах демонов, лезущих с синей поляны, – кивок в сторону окна, за которым в паре десятков метров жила своей неведомой жизнью аномалия, – ошибаетесь. Демонов, орков и прочих чудиков оставьте киношникам. Но по мозгам эта штука, – новый кивок, – даст не хуже ваших болванчиков, – кивок вверх, где на четвертом этаже остались химеры. – Слезай. – Это уже Роберту, холодно и зло. – Принеси юным леди очки, забирай с собой бездарность и проваливай, не мешай работать. И повысь мое жалованье вдвое, за такие копейки я только вредить могу.

– Слушай, я и так выторговал тебе лучшие условия. Что ты бесишься? – Роберт встал, взял Машу за руку. – Пойдем-ка от этого психа. Очки в верхнем ящике стола, – сообщил он и вышел.

Доре вдруг стало страшно, даже страшнее, чем при встрече с полчищем химер. Показалось, что напротив сидит не человек. Может, Эл не такое таинственное создание, как Орэф, но, без сомнения, очень сильное и заслуживающее внимания.

– Надевайте. – Очки плюхнулись на диван между Дорой и Ксаной. – На все время обучения привыкайте ходить в них даже дома. Отговорки, мол, не модно, меня не интересуют.

Либо подчиняетесь, либо уезжаю, и никакие погоны меня не уговорят.

Девушки поняли, что лучше не спорить. Нацепили очки, включили. Переливчатая фигура на сером, колышущемся, точно кусок тумана, диване наклонилась вперед, изучая их реакцию.

– Головами покрутите, освоитесь. – Голос прозвучал мягче. Похоже, приезжий медиум был грозен только с Робертом. – Что видите?

– Тебя, – ответила Ксана, – проводку.

Та действительно просвечивала сквозь диван бледно-золотой полосой, убежала за болотно-зеленый стол в скопище холодно-сине-серого металла, мертвенно-черного пластика и не пойми чего желтого и коричневатых оттенков. Сквозь стену бил синий цвет – сле-

пящий, болезненно резкий. Дора снова вернулась взглядом к человеку напротив. На переливчатой фигуре ярко выделялся рыжий камень на футболке и еще один, наверняка под ней, – ярко-красный. Ксана была синева-розовой. Красно-коричневые дымные завитки парили вокруг ее головы и груди, извивались, скручивались и распрямлялись.

Только изучив окружающих, Дора решила взглянуть на свои колени и руки. Те показались ей жидким серебром, по которому невидимая кисть художника рисовала разноцветные абстрактные узоры. Те вспыхивали и точно впитывались в ее серебристую сущность.

– Почему я такая? – удивилась она.

– Ты клон, не знавший родительского тепла, не ткавший себе тело чувствами, мечтами и устремлениями, – охотно пояснил Эл. Похоже, он окончательно успокоился. – В тебе появляются краски, но они недолговечны. Пройдет немало лет, и при благоприятном раскладе ты станешь очень похожа на нас.

Дора стянула очки, возвращаясь в привычный мир.

– Сенсы все так нас видят? – уточнила она с опаской.

И Ланс такой ее видит?

– Что ты, у тебя очки на максимуме, смотри, – уже вполне дружелюбный Эл показал, как подрегулировать чувствительность.

Следующая попытка посмотреть на мир глазами сенса оказалась вполне приятной. Люди остались людьми, к предметам вернулись привычные краски. Просто вокруг них появилось слабое свечение.

– Это минимум для признания человека сенсом. – Эл подрегулировал очки Ксаны. – Я вижу ярче, но с вас сегодня хватит и такого. Держитесь за руки, покажу сигнал аномалии.

Дора нехотя протянула правую руку Ксане, левую – Элу раскрыла тому эмоции и услышала, и даже увидела.

Проникающие через стену синие лучи показались живыми. Они вздрагивали, дрожали, извивались и звенели. Тын – пауза – тын-тын – пауза – тын – долгая пауза. Каждый «тын» отдавался в голове.

Доре на секунду показалось, что она вновь проваливается в черный космос, а в нем вокруг рыжего светила наматывает круги сине-зеленый шарик неведомой планеты. Но голос Эла развеял видение:

– Сигнальный маяк включается на десять минут каждые два с половиной часа. В последнюю неделю сигнал стал мощнее и настырнее, вчера вечером вообще выдал максимум, тут все вибрировало. Потому-то «погоны» струхнули, выделили в Барск орду химер, хотя до этого ни в какую. Они сняли меня с самолета, когда я собрался на свадьбу дочери в Хабаровск, пообещали приличные деньги, притащили сюда по первому писку французского профессора. А я просил всего две недели отсрочки!

Он снова разозлился. И Дорофея его понимала. И в то же время понимала Роберта Ноэля. На его месте она сама всех на уши поставила бы.

Эл тренировал их четыре часа, рассказывал, что означают те или иные цвета вокруг предметов, как отличить живое от неживого, как чувствовать аномалию.

Тренировку прервал Роберт. И Дора только тогда поняла, насколько сильно у нее разболелась голова, подвело от голода живот. О нет, это не у нее, у Роксаны! Дора хотя бы пообедала, а Ксана напрямиком в машину наставника побежала и держалась сейчас исключительно на личной вредности.

Пока натягивали куртки в раздевалке, в дверях появилась девчушка лет восьми, красивая, точно белокурый ангелочек, но с не по-детски неприятным взглядом. Она беззастенчиво рассматривала Дору а когда девушка решила к ней подойти, решительно захлопнула дверь и побежала по коридору, громко топая туфельками. Мигрантка проводила ее взглядом, но решила не обращать внимания на местные странности.

Едва забрались во внедорожник, раздался возмущенный звонок Александры Михайловны:

– Где вас носит? Школу прогуляли, трубку не берете!

– Мама, ты ничего не понимаешь, – копируя тон учительницы английского, заявила Машка. – Это секретная государственная тайна, где мы были! Допытываясь у нас, ты подвергаешь опасности отечество!

Дора отвернулась к окну. Дома будет весело, мама такого не спустит. Но сейчас, наблюдая за Машкой, мигрантка поразилась, насколько сильно прирастают маски.

Она сама больше месяца играла роль примерной дочери, принаравливалась к быту, смотрела уютные кошачьи сны, тренировалась быть второй Машей. И позабыла о себе настоящей, растеряла настороженность, наблюдательность. Почти лишилась того, что годами вырабатывала в макросети, набивая шишки и теряя деньги. В разгар войны за место пилигримов на Земле-56 она размякла, разучилась подозревать в каждом встречном врага или соперника, за каждым жестом и словом искать двойной, а то и тройной смысл. Она пыталась откреститься от макросети, от прошлого, и это ее главная ошибка. Быть здесь – ее выбор. Тут ее новый дом, семья. Но именно пройденный путь сделал ее такой, какая она есть, не стоит отказываться от прошлого и притворяться другой.

«Я не буду отсиживаться в тени, но не дам втягивать себя в дела, в которых не разбираюсь. Я позволила себя сорвать с места сегодня, увела с уроков Машку. К чему эти странные опыты могут привести?»

Она думала и смотрела на дождь. Небо провисло под тяжестью влаги, накопившейся за довольно сухое лето. Гроз было много, но сильные дожди длились не больше полутора часов. Тучи проливались на Барск, проколотые антеннами на крышах небоскребов. Зато торфяники за городом тлели до сих пор.

Машина глубинной рыбой плыла по дороге сквозь ливень. Эл, как ни странно, решивший выбраться в город на внедорожнике Роберта, сидел рядом с Ивановыми, монотонно раскачивался из стороны в сторону. На Машкины вопросы он не реагировал, отключился от всех и вся, прикрыл глаза.

– Что с ним? – Маха озабочено потрогала соседа за бо роду.

– С духами общается. – Роберт был совершенно серьезен. – Он ведь настоящий, потомственный шаман, хоть и поздно к этому пришел. Вроде того шамана...

Он не договорил. Намек предназначался одной Дорофее – свидетельнице профессорских откровений под дулом Никиного пистолета.

– Я его не только ради вас выписывал, не зазнавайтесь, – сказал он тише, объезжая прикорнувший на окраине бронетранспортер. – Я хочу, чтобы он мою Никки вылечил. Она без полновесного дара не летает, только перья теряет из крыльев и чахнет.

Дора с Машей были в курсе, что от Ланса и химер Ника получила ментальный удар, впала в кому и выжила лишь благодаря сильнейшему лекарству, в народе прозван ному мыслегрызкой. Теперь наслаждалась побочными эффектами.

– Мало того что сила ее дара снизилась на целых два пункта по шкале чувствительности, – жаловался ученый, – в дополнение ко всем радостям жизни сам талант сенса повадился периодически пропадать. Специалисты говорили, что способности со временем восстановятся. Но когда это время придет? О, Никки, легка на помине! – Он вынул коммуникатор. – Соскучилась, видеовызов выбрала, – обрадовался он.

– Роберт.

Крошечная Ника возникла над лежащим на ладони Роберта телефоном.

– Хоть мы и в ссоре, но мне больше не к кому обратиться, – начала она. – После того как вчера твои химеры целый час бесновались и буянили в моем центре клонирования, после

дозы успокоительного, которая способна свалить с ног тираннозавра, происходят пугающие вещи. В этом, между прочим, ты виноват, – не преминула уколоть она.

– Никки! – предупредительно строго оборвал ее Роберт. – Мы уже это обсудили. Я тебе даже сервис новый купил взамен разбитого.

– Хорошо. – Крошечная фигурка подбоченилась, встряхнула рыжими кудрями. – Я сегодня спускалась в бункер под центром клонирования, и одна из химер попыталась общаться со мной на языке жестов. Сама! Просила войти в камеру!

Было видно, сколь неприятно Ильиной рассказывать подобное. Даже Эл оттаял, прислушивался к разговору, присматривался к Веронике.

– Вошла бы, – легко согласился Роберт.

– Я похожа на умалишенную? – возмутилась она. – Неужели ты не понимаешь, бездушная тварь проявила инициативу!

– После гибели Орэфа что-то переменялось в их поведении, – подтвердила Роксана. – Они стали более активны.

– Вот-вот, – закивала голографическая Ильина. – Я сейчас не в лучшей форме, чтобы с проблемами недочеловеков разбираться. Мне страшно от соседства с ними. В центре работают почти три сотни сотрудников и сорок девять пациентов! Там дети находятся на подготовке к лечению или клонированию! А на минус шестом этаже три дцать генномодифицированных биороботов!

– Завтра у тебя их заберу как только здесь комнаты подготовят, – смилостивился Роберт. – Рокси разберется с ними. Что еще стряслось?

– Илья Петрович не выходит на связь, – призналась она. – И в штабе сплошь новые люди, даже Зойки нет, а мне нужно было проконсультироваться.

Роберт с Элом многозначительно переглянулись.

– Значит, твои знакомые заняты.

– Вероника, – подал голос Эл, – не покидай в ближайший месяц Барск. Как шаман и медиум прошу. Просто послушай меня.

Ника озадаченно потрогала кулон на шее.

– Хорошо, мне пора. Химер держу только до завтра, – предупредила она и отключилась.

– Ты думаешь, время пришло? – уточнил ученый у шамана.

– Оно и не уходило, – ответил тот.

Дора толкнула Машу. Что опять здесь затевается?

А в комнате охраны лабораторий переводили дух брат и сестра – Альбина и Карл Травниковы. Каждое слово ученого, произнесенное в этих стенах, они записывали и по многу раз прослушивали, как высочайшее откровение. Сейчас наблюдатели развалились перед экранами в креслах, разглядывали обеих спутниц профессора.

– Кудрявую я знаю, – произнесла молодая женщина лет двадцати пяти на вид.

Была она одета по-мужски в форму охранника: мешковатые брюки, приталенную куртку, но не казалась ни пацанкой, ни воинственной амазонкой. Темные волосы прикрывали спину до середины лопаток. Очки в золоченой оправе подчеркивали бледность кожи и интеллигентные точеные черты лица.

– Она приходила с Вителем в лабораторию к Чаре Родимовне, – припомнила она, проматывая назад запись и вглядываясь в черты Роксаниного лица.

Второй наблюдатель был старше, одет проще: в длинный вязаный свитер и темные брюки из мягкой немнущейся ткани. Он был широк в плечах, приятен лицом и казался безобидным добряком.

– Альбина, эти девочки медиумы, следи за ними осторожней, почувствуют.

– Не все, только две, с которыми занимался Эльдар, – поправила его охранница.

– Все равно, – возразил мужчина. – Нам выгодно, чтобы они помогли французу до последнего. Джебзрит и Магистру они тоже пригодятся.

Альбина хищно улыбнулась, откинулась в кресле. Ее спутник смотрел, как за девочками и Робертом захлопнулись двери зала с химерами, единственного места, где картинка с камер наблюдения была доступна только обоим профессорам.

– Уничтожить его будет не так просто. – Альбина отключила запись и обернулась к собеседнику: – Даже общими усилиями.

– Уничтожить можно кого угодно, главное, знать как. Ты еще сомневаешься? – Мужчина позволил себе нотку раздражения в голосе.

– Уж поверь мне, нисколько, – ядовито отозвалась девица. – Один ваш Беляков на это согодится.

Выступления Максима Белякова подняли волну общественного недовольства. Один за другим от строптивного гения отворачивались могущественные покровители и сочувствующие. Они бежали не только из идейных соображений, но и из опасений испортить собственную репутацию, замарать себя нежелательной дружбой. Ноэль вяло огрызнулся, но черный пиар делал свое дело.

Тем временем машина Роберта благополучно достигла города, довезла Дорофею и Машу до дома.

– Вы мне завтра понадобятся. Обе, – предупредил их ученый.

Когда за девочками захлопнулась дверь внедорожника, гений задумчиво пробормотал:

– Как заставить вас всех меня ненавидеть, чтобы, когда все начнется, вы не бросились следом головой в омут?

Пискнул коммуникатор: «У Стеллы опять видения. Тебе понравятся». Роберт задумчиво провел рукой по волосам. Видения... Тут у всех медиумов такие видения, что порой оторопь берет. А то ли еще будет, когда он всерьез возьмется за аномалию!

Конечно, Маша с Дорой получили нешуточный нагоняй от Александры Михайловны: и за то, что уроки прогуляли, и за то, что ее не предупредили, и прочее, и прочее. Маха, казалось, испытывала от этой суматохи удовольствие, мол, шуми-шуми, а у меня были о-го-го какие приключения! Дора тоже не особо расстраивалась. В конце концов, это была не ее мама. Нехорошо, конечно, без предупреждения, но просто так вышло, чего теперь трагедию разыгрывать?

Зато в девять вечера ей позвонила Ленка и сообщила:

– Завтра в полдень приходи в клуб, там тебя кое-кто видеть хочет, чтобы спасибо сказать.

Теряясь в догадках, Дорофея устроилась за компьютером проверять почту, следить за новостями на сайте. От ее имени Роберт отобрал сорок два человека для начала работы над проектом, раз в неделю выкладывал сообщения-отчет об их деятельности – подзадорить остальных, заинтриговать журналистов, позлить недоброжелателей. И те и другие заваливали почту сообщениями.

Кто-то писал гадости только потому, что больше ничего в жизни не умел. Кому-то хотелось поупражняться в порицании пилигримов. Кому-то – объявить о вреде кибернетизации общества, о подключении к таинственной Матрице. Что это такое, Дора не разобралась, пока Машин папа не скачал старый-престарый фильм, над которым Дора поначалу посмеялась, потом призадумалась.

Зато журналисты мечтали заполучить для интервью ее и Роберта. Вокруг его фигуры разрастались мифы и цветистые домыслы, покруче, чем вокруг всех пилигримов. Хорошо, что разгребать весь словесный хлам приходилось не ей, а специально нанятому человеку. Но читать было занимательно.

Что-то в ворохе последних сообщений заставило ее насторожиться. Что именно, она сформулировать не смогла, Машка заставила помогать ей с информатикой.

– Ну и что, что завтра суббота, – привычно заняла хитрая Машенция. – Я что, все выходные должна про задание на понедельник думать?

Когда Дорофея улеглась спать, снова вспомнила о причине беспокойства. Кто-то писал о макросети слишком осведомленно. Земляк? Быть может.

Ночью в гости тихими шагами пришла Дарья Фелисия, потребовала выслушать очередной рассказ о своей долгой жизни, и к утру мигрантка помнила только ее историю и еще немножечко – недостижимую теперь родину, шумный мегаполис, друзей-хакеров, Бету. Видения так перемешались, что начинало казаться, будто это зашифрованные послания подсознания. Но разгадать их смысл пока не удавалось.

Земля-1. Российско-Китайско-Индийский союз (РКИС). 2099 год. Эдуард Смолин

Вокруг арены было сумрачно и шумно. В ожидании боя фаворитов последнего полугодия стулья сняли. И даже при этом зал не вместил всех желающих. Людей набилось столько, что Эдуарду становилось дурно, едва он представлял себя в переполненном человеческом котле внизу. Стоя плечом к плечу, зрители занимали все восемь ярусов вокруг арены.

Народ болтал, обсуждал гладиаторов, то и дело нырял в макросеть, чтобы расстаться с немалой суммой в надежде на куда более манящий выигрыш. Даже сказочно дорогие билеты в ВИП-ложи, расположенные на балконе, раскупили за считанные часы. И хотя Эдуард не испытывал любви к подобным игрищам, не прийти сегодня было неуважением к семье.

Бойцовская арена, разминающиеся гладиаторы и собственно сам тотализатор принадлежали Виктору и Михаилу Смолиным, отцу и старшему брату Эдуарда. Каждый зритель ВИП-лож, заходя, старался отыскать их глазами и учтиво поклониться.

Протрубили трубы, грянул бравурный марш. С высокого потолка ударил поток света, озаряя прямоугольник арены. С четырех ее углов из газовых горелок вырвались вверх огненные столбы. В сотый раз наблюдая за этой шуткой, Эдуард удивлялся, как пламя никого не подпалило. Самое забавное – в соседней ложе преспокойно восседали два чиновника, отвечавшие за пожарную безопасность.

Толпа волновалась, свистела, хлопала, мечтая ускорить начало боев, размахивала пестрыми флажками. Эдуард подавил зевок и выглянул в макросеть. В отличие от подпольной гладиаторской площадки, там было тихо. Политики второй день не делали никаких заявлений. Биржевые сводки подтверждали, что экономика угодила в болото. Хакеры не разгромили ни одну корпорацию.

Смолина-младшего подобное спокойствие не смущало. К огромной стране подкрадывался очередной кризис. Производство медленно выводили в южные районы, где затраты поменьше и рынок сбыта погуще. Восхваляемые в последние годы агропоселения не приносили больше двенадцати процентов рентабельности. Биржевыми операциями стали интересоваться даже низкостатусные клерки и домохозяйки.

А ведь в первую очередь начнут паниковать не простые смертные, а те, кому есть что терять. Очередной клиент, богатенький, еще не окончательно старый и не безнадежно больной, перевел на счет центра миграции крупную сумму и готовился отбыть в лучший мир.

Цивилизация на Земле-41 была отсталой. Эпоха чтения при свечах, сочинения длинных рукописных писем, время больших надежд, географических открытий. Эпоха, когда мир за твоим окном кажется огромным, необъятным и непознанным.

Впрочем, Смолин не видел особой разницы между запряженными лошадьми повозками и машинами с дизельным или электрическим двигателем. Люди-то везде одинаковы.

Эдуард предпочитал продавать людям наивные грезы о лучшей жизни оптом и в розницу а не впутываться в опасности самому.

Свет в зале померк. ВИП-ложи, опоясывающие зал над колышущимся людским морем, погрузились во мрак. На арене пустились в пляс тощие девицы в блестках. Смолин без особого интереса разглядывал присутствующих, но на периферии сознания дзинькнуло. Молодой человек без сожаления ушел в макросеть.

Традиционным местом начала деловых встреч был парадный вход в виртуальный офис «Приюта пилигрима». Смолин гордился, что сумел застолбить себе очень выгодное место – почти напротив левой башни Тучепада. Вид отсюда открывался фантастический.

Две скалы-небоскреба высотой с полсотни этажей искривлялись, извивались, нарушая законы привычной человеку гравитации. Серо-голубая скальная порода вдруг перетекала в окна, балконы, арки, вновь принимала вид монолитной скалы. С нее свисали густые лианы, выворачивали руки-ветви деревья, шевелящиеся, иногда по своей воле перебирающиеся с одного этажа на другой. А по стыку скал пенным потоком стекали облака. Они собирались над вершинами и одно за другим бросались вниз, обретая последний приют в компактном озере.

Наблюдать за Тучепадом можно было часами, каждый миг он был иным, завораживающим, ирреальным. Но в семье Смолиных сентиментальных не было. Эдуард спокойно утвердил на этот месяц модернистский проект для фасада «Приюта пилигрима»: нечто напоминающее космический корабль – стальное, ребристое, с множеством непонятных деталей, труб, имитацией пушек, механических сочленений. На следующий месяц концепция изменится, и здание примет воздушно-хрустальный вид. В макросети ничто не должно оставаться постоянным, иначе к нему привыкнут и потеряют интерес. Разве что Тучепад, быть может, простоят еще пару лет.

Люди текли мимо, не задевая вниманием главу центра миграции. Им хватало иных раздражителей – выскакивающих из-под земли рекламных сообщений, воздушными змеями улетающих в небо, мало походивших на людей зазывал в разные игры и аттракционы, просто мающихся со скуки личностей. Те воображали себя то великими актерами, то музыкантами, разыгрывали сценки, орали песни прямо на площади. Разве найдется какой дурак и обратит на них внимание?

– Ты Смолин?

То, что подошло к нему, назвать живым было сложно. Бесформенное, бесцветное, оно то раздувалось до размеров воздушного шара, задевало пухлыми боками прохожих, то сжималось в струну. Звук голоса шел изнутри чудного создания – низкий, тягучий. Голос не имел пола и возраста и мог принадлежать как простуженному подростку, так и пожилому человеку.

– Предположим. – Эдуард не удивился. В макросети, если ты не официальный представитель компании, имеешь право выглядеть как заблагорассудится.

– Ты скучаешь на гладиаторских боях. Я тоже. Надо встретиться вживую и обсудить вопрос чрезвычайно важный для твоей компании. Макросети доверия нет. Ты же помнишь, что случилось с Бетой.

Мутно-бесцветное нечто на миг стабилизировалось, приняв человеческие очертания, и снова расплылось. Во все стороны брызнули золотые искры.

– Мне нужен союзник, а не мишень для хакеров, – закончило оно.

– Заинтриговал, – сдался Смолин. – Давай попробуем встретиться. Где?

– Второй этаж, балкон.

Глава «Приюта пилигрима» чуть заметно кивнул и отключился. Все лучше, чем просиживать битый час, глаза, как перекачанные смертники разделяют друг друга под свист и улюлюканье публики.

Эдуард открыл глаза и огляделся. Справа уже сидели отец и брат.

– Куда? – Смолин-старший знал отношение сына к подобным мероприятиям и злился, что младший растет неженкой.

– По поводу сделки. Срочно. Через две минуты вернусь. – Эдуард постарался как можно скорее пройти мимо семьи.

– Придержаться начало? – На бледном лице с аккуратно подстриженной бородкой читалось недовольство.

Только не это.

– Не стоит.

Стараясь не оттоптать никому ноги, молодой человек лавировал меж креслами, а вдогонку летел радостный марш, под который ведущая звонким голосом выкрикивала:

– Сегодня в битве сойдутся титаны! Те, за кого вы болели! Те, кто когтями и зубами вгрызлся в победу, не щадя соперников!

Охранники у двери с учтивым поклоном пропустили сына хозяина.

Вход в ВИП-ложу напоминал ледяной дворец. Прозрачные колонны украшала изящная резьба. Свет с хрустальных люстр рассыпался и дробился в бледно-голубых и зеленых статуях, в молочно-белом с серо-зелеными прожилками мраморе стен, мозаике пола. Находясь внутри, трудно поверить, что эта красота спрятана в заброшенном цехе вагонного завода на самой границе с Вавилоном.

Молодой человек обошел почти весь ярус, пока нашел неработающее сейчас кафе. Оттуда был выход на единственный в здании балкон. Ветер трепал белые шторы, за которыми расцветал желтый цветок света. Из-за приоткрытой наружу двери в помещение вползал ощутимый холод.

На всякий случай расстегнув кобуру на поясе, Эдуард положил руку на оружие и вышел на балкон.

С реки несло сыростью и прелой листвой, кричали ночные птицы, вдали кто-то нетрезво пел. А за единственным столом, собрав рой мошкары вокруг старинного фонаря, сидела женщина, закутанная в темно-зеленое. Зеленая бархатная полумаска закрывала лоб, глаза и верх щек, вокруг крупных колец-серег кружили черные завитки длинных волос. Возраст не определить, но незнакомка вряд ли намного старше самого Эдуарда. Надвинутый капюшон не позволял разглядеть глаза. Руки тонули в широких рукавах. Кисти были скрыты зелеными перчатками с обрезанными пальцами. На правой руке сверкало серебряное с чернением кольцо. Несколько кривобоких многоугольников накладывались один на другой, в центре сиял искусной огранкой треугольный золотистый камень, который тонким поясом пересекала дорожка алых гранатов. Незнакомка специально поднесла руку почти вплотную к фонарю, дав налюбоваться украшением.

– По нему ты опознаешь меня при следующей встрече, – поймав взгляд Эдуарда, произнесла женщина.

Она проигнорировала удивление на его лице и жестом предложила присесть напротив. Уголки губ растянулись в фальшивой улыбке, но лицо осталось бесстрастным.

В фонаре горел живой огонь, и женщина склонилась к нему поближе, точно желая впитать тепло. Эдуард сам успел продрогнуть от осенней сырости, но вида не подал.

– Я знаю, что ты ищешь за границей Вавилона. Знаю, за что к мальчику Мишелю из далекой Европы приставлен частный детектив. И отчего еще один детектив пасет юношу из нашего города. Какое-то время этих детей звали Роберт Ноэль и Ланс Шамин, так? Дороги назад нет, мой друг, ты впутался.

Снова ненатуральная улыбка. Глядя на нее, Эдуард вдруг подумал, что все страхи его жизни материализовались и встали за левым плечом. Смолин зябко поежился.

– Ты хорошо поупражнялась в слежке. Нанять тебя, что ли? – Он следил за ее реакцией. Незнакомка картонной куклой сидела напротив и грелась у фонаря. Не она ли следила за ним последнюю неделю? Очень может быть.

Что он тут делает? Лучше наблюдать за кровавыми отцовскими игрищами. Виктор Смолин лично проверял остроту кинжалов, шпаг и мечей. Цивилизованная публика, засидевшаяся в офисах, жаждала крови. И даже начальник полиции, который, по идее, должен был сто раз закрыть арену и закинуть семейку Смолиных пожизненно в дальний-предальний тюремный каземат, с энтузиазмом делал ставки.

– Что тебе надо? – нарочито грубо осведомился он.

– Для начала доступ к записям Беты, – неторопливо начала она. – Ты отыскал архив, не отрицай.

«Не по душу отца или брата пришла. Подумаешь, скелет из шкафа Венедикта Горбунова». Эта мысль не принесла облегчения.

– Доступ к центрам миграции, – продолжила она.

– А иначе? – нервно усмехнулся он.

– Что «иначе»? – не поняла собеседница.

– Чем шантажировать будешь?

– Ты сам отдашь все. – Голос прозвучал неожиданно мягко и напевно. – Ты же не желаешь разделить участь Беты? У меня больше прав на его наследство, чем у кого бы то ни было! Без меня ты ТУДА не пробьешься. – Она легко встала и вышла, оставив за собой горьковато-сладкий аромат духов. От него, а может, от чего иного, у молодого человека нестерпимо разболелась голова.

Озадаченный разговором Эдуард возвратился в зал. Как раз закончились бои на кинжалах и шпагах, покрытие сменили, арену обнесли тонкой сеткой. Сейчас внутри, точно два журавля, летали два мастера кунг-фу. Публика скучала в ожидании главных поединков мечников и противостояния бойцов в экзоскелетах.

Как выкинуть из головы разговор с незнакомкой? Незнакомкой ли? Несколькими зрителями левее не сводил глаз с арены очень влиятельный человек, владелец половины игровых площадок в русскоязычной макросети. Озарение пришло столь неожиданно, что Эдуард был готов хоть сейчас бежать разбираться. С ним беседовала дочь того господина! Как ее там звали? Алина! Отец даже рассматривал девицу в качестве выгодной партии для старшего сына, но Мишка тогда как раз встретил Вику и слушать о девице ничего не пожелал. И правильно поступил, теперь эта мерзавка вздумала шантажировать!

Смолин-младший с трудом дождался окончания действия, вышел вслед за семьей. Ехали врозь – каждый на своем автомобиле. Ночь мягко обнимала берега реки, кружила расцветенные золотом листья. Сегодня по случаю боев вокруг цеха затеплились фонари. Машины отъезжали одна за другой, возбужденный народ переговаривался, шумел. Еще долго не утихомирятся, будут чествовать победителей, пока врачи бинтуют и зашивают раны побежденных. Эдуард сомневался, что все из них доживут до утра.

Бой на настоящем оружии – модная забава сезона. В прошлом году были в фаворе собачьи и петушинные поединки. Что запросят зрители в следующий раз, не предскажет самый именитый астролог. Скучающая публика жаждет зрелищ.

Мигающая звездочка привлекла взгляд Эдуарда.

– Джамал, давай помедленней, – попросил он, подаваясь вперед.

Когда-то рядом был вокзал, но рельсы разобрали, здание в эпоху строительства Вавилона снесли, а мост остался. Мост самоубийц. Сейчас на нем, перебравшись через перила, стояла девичья фигурка и махала фонарем. Кому махала – ясно, ему. Плащ распахнулся, светлое платье трепалось на ветру. Куда она полезла, дуреха?

Миг, фигурка отпустила перила и рухнула прямо под колеса. Джамал вжал тормоз. Позади возмущенно засигналили машины. Эдуард выбрался из авто, но отец опередил его, склонился над девушкой.

– Мертва.

Он снял с лица бархатную маску. Позади выругался Миша. Загомонили подошедшие зрители. А Эдуард поднял правую руку Алины, убедился в том, о чем знал еще до ее прыжка. Кольца на пальце не было.

Он с трудом переждал беседу с отцом девушки, полицейскими и поспешил скрыться в своей квартире – чересчур аскетичной для человека его достатка. Только там он мог все обдумать и успокоиться.

Про технологию удаленного управления человеком он слышал не раз. Та была создана на территории РКИСа около пяти лет назад и немедленно запрещена. Эдуард не обольщался, от таких изобретений не отказываются. И сегодня он убедился в ее действенности. Некто воспользовался девушкой как макросетевым аватаром и уничтожил после беседы. И этот некто угрожал ему! Такого не прощают.

Выйдя в макросеть, Смолин с удивлением обнаружил, что полностью отключилась антивирусная защита. Пришлось среди ночи ехать в сервисный центр, тратить два часа сна на нудную полную диагностику чипа.

– Хакерского проникновения не было, – заверил его работник центра, немолодой, бровастый дядька. – Защита могла слететь сама в случае сильного стресса. Был стресс?

– У меня вся жизнь – стресс, – буркнул в ответ Эдуард.

Теперь это точно не шантаж, а прямая угроза. Чья? Бета погиб очень странно и нехорошо. В больнице впавшее в кому тело практически сразу отключили от системы жизнеобеспечения. Еще двоих его гостей – богатых и влиятельных – тщетно пытались спасти. Но успеха не возымели.

Сейчас в клинике осталось только тело женщины-полицейской, словно ее еще можно было оживить. Тело живо, но души нет. Он лично надевал всевидящие очки, когда навещал ее. Без шансов. Но если есть близкие, которые верят в возвращение, кто он такой, чтобы лишать их последней надежды, а себя – постоянного заработка? Больница-то принадлежит центру миграции.

Кто еще? Нужно поднять уцелевшие после хакерской атаки списки контактов, имена клиентов. Но в то, что среди них он сумеет отыскать своего сегодняшнего собеседника, Эдуард не верил. Интуиция подсказывала, что дело куда глубже и темнее.

Земля-56. Город Барск. 13 октября. Злат

Он помнил холодный серый потолок в центре клонирования далеко отсюда. Не потому, что хотел помнить, просто не мог забыть. Каждый день к нему являлись люди, и тогда в его голове загорался огонь невыносимый, болезненный. После их визита какое-то время он сохранил в себе отпечаток личностей, воспоминания, эмоции, устремления.

Потом люди пришли вместе с мальчиком. Тот не был на них похож, в нем жили целых две души. И одну хотели дать ему. Он не противился. Душа была горячей и испуганной. Он уже знал, что такое эмоции, понял.

Душа птицей билась в новенькой коробке его тела, стенала и мучилась. Все потому, говорили люди, что он не был полным клоном парня, а какой-то непонятной химерой, к тому же намного старше внешне, чем тот ребенок. Что такое химера, он тогда не знал, зато честно попытался приручить душу, но не совладал и упустил. Видимая лишь ему яркая искра вырвалась из его груди и унеслась сквозь потолок. «Меня зовут Злат! Я Злат», – твердила она все дни своего плена. И он стал называть себя Златом. Это имя звучало куда приятней, чем химера. Еще он понял, что химер было много, как и окружавших его людей. А Злат был один-единственный, и ему это нравилось.

После того как яркая искра его покинула, Злат долгое время пробыл в забытьи. Его вернули, «откачали», и он с новой силой принялся познавать окружающее. Наблюдал за *докторами, медперсоналом, за сенсами*, которые сильно отличались от остальных и были куда интереснее и ярче. Он видел других химер, но те выглядели бледными, пустыми. Их не оживляла искра, понял он.

А потом пришел Орэф – коренастый, плотно сложенный немолодой человек с простоватым лицом, высокими залысинами, тяжелым взглядом. Бегло изучив собранных в комнате химер, он махнул рукой и приказал докторам:

– Обрядите их во что-нибудь приличное и грузите. Первая партия вполне пригодна. Я потом скажу, что поправить.

Так Злат впервые покинул лаборатории.

Большой мир оказался куда больше и сложнее, чем он представлял по обрывкам чужих воспоминаний. Из-за нехватки опыта и знаний он мог расшифровать лишь малую часть информации и теперь зачарованно смотрел на обсыпавшие небо яркие звезды (их он видел по телевизору глазами сторожа; он только вчера научился это делать).

– П'шел, дубина!

Злата толкнули в спину, загнали в тесный кузов. Потом долго везли. Чуткое сознание улавливало картины, видимые глазами водителя. Потом было пустое пространство (теперь он знает – поле), химер построили в ряд, вытащили какой-то аппарат, направили на них, включили... Собравшиеся в стороне сенсы делали что-то такое, отчего сознание Злата временно помутилось, слилось с сознанием остальных химер. Ненадолго. На рассвете того же дня он снова был сам по себе.

– Я Злат. Я жив, – шепотом повторял он всю дорогу, чтобы удержаться, не свалиться в общий котел чувств и эмоций.

Следующим сильным впечатлением была стихия – бурная, неумолчная в любое время суток. Если прислушаться, она состояла из миллионов голосов. Стихия ошеломила его, дезориентировала куда сильнее остальных химер, почти растворила в себе. Сознание водителя сказало, что стихию зовут Москвой и все туда стремятся. Злат туда не хотел, он впервые познал страх.

Из небытия его вытащила воля Орэфа.

– Ты кто? Рассказывай! – Раскаленные щипцы внимания напрочь выжигали в нем слабость.

– Злат, – знакомо произнесли губы.

Это вызвало немалое удивление Орэфа. Он спрашивал и спрашивал химеру, пока его не отвлекло еще одно существо. Тоже живое, но другое, одновременно похожее на докторов и сенсов. Существо откликалось на имя Витель. Оно было человеком и пилигримом. Новое слово заставило Злата заглянуть в память Вителя при Орэфе, за что он жестоко поплатился.

Так больно Злату еще никогда не было. Даже когда в него пересаживали человека. После накатило забытье. Он говорил, действовал вместе с другими химерами, но не был собой. Пока однажды сети, державшие его в клетке, не истлели, не расплзлись. Сперва он даже не поверил нахлынувшей свободе.

Первые несколько дней его мозг обрабатывал накопленную за бессознательное состояние информацию. По всему выходило, что человеком Злат не был. Но и химерой себя не считал. Он начал планировать побег – неторопливо, аккуратно. Он понял, его боялись. При любой попытке неповиновения могли убить. Поэтому Злат действовал исподтишка, копировал все действия девушки-химеры в соседней камере.

Когда их внезапно связали и куда-то повезли, Злат обрадовался, вот он – шанс. Мир слишком велик, чтобы сидеть взаперти. Но Злат не сбежал, ибо везли его именно туда, куда он стремился. Просто он не знал, что это такое, как называется. Вспомнилось поле под тяжестью пасмурной ночи и синий свет, бьющий в лицо. Именно этот синий свет неудержимо манил его сейчас.

На новом месте, в городе Барске, куда более спокойном, чем Москва, он осматривался недолго. Подземная тюрьма оказалась тесной и неудобной. Двадцать девять химер рядом, охранники, рыжеволосая хозяйка здания, которую звали Ника.

План побега сложился сразу. Обмануть рыжеволосую женщину – испугать, смутить, подманить ее поближе к камере и считать память о паролях, кодах доступа-выхода из помещений было минутным делом. Вдобавок среди пленных химер была та, которая могла стать идеальным проводником.

Открыть электронный замок не составило труда, усыпить оператора, отвести глаза возможным наблюдателям, обмануть камеры.

Толкая впереди себя черноволосую девушку, он уверенно прошел к воздуховоду, подтащил поближе стул, залез на него. Вытащил из стены решетку в глубокий вертикальный лаз, посадил девушку, потом с трудом протиснулся сам. Страх, что застрянет, не было. Застрянет, завтра придут люди и вытащат. Тогда побег станет чуть труднее.

Они выбрались на минус пятый этаж. Там все было проще – лестница вела в главный вестибюль на первом этаже. Затем через парадный выход на улицу.

Он понял, что просчитался, едва спустился по ступеням центра клонирования. Ледяной ливень не был ему помехой, но девушку охватила дрожь. Это могло осложнить продвижение.

Не останавливаясь, он потащил за собой химеру, выскывая глазами жертву. Та нашлась в лице случайного прохожего. Убивать того Злат не планировал, легким ментальным ударом спутал мысли, завел под широкий козырек магазина, куда не засекал дождь, заставил раздеться, вручил добычу девушке, себе оставил лишь зонт.

Химере одежда была велика, но Злат покрепче затянул на ее поясе ремень, поддерживающий штаны, натянул на мокрые волосы капюшон. Ботинки пришлось оставить дрожащей жертве ограбления, сорок четвертый размер банально сваливался с маленькой женской ножки.

– Мы в городе Барске, – сказал он химере. – Найди мне удобное убежище.

Химера ожила, огляделась, точно охотничья собака, повела головой, схватывая детали городского ландшафта, и уверенно вышла под дождь. Путь ее лежал к квартире Софьи Жужиновой.

Когда через десять минут посиневший от холода мужчина в нижнем белье пришел в себя, подобрал с плитки чудом не промокший и не разбившийся телефон и вызвал полицию, он так и не смог внятно рассказать, что с ним произошло и кто его раздел.

Ник а

Улицы в столь ранний час были пустынно. Вызванные ребята из «Дажьбога» без особой надежды обшаривали каждый уголок, каждую норку. В успех поисков Ника не верила. Слишком профессионально ушли две химеры. Ни камеры слежения, ни уснувший оператор не засекали беглецов. Только пришедший сменщик поднял тревогу.

Обильный ливень, иссякший всего час назад, тщательно смыл все следы. Сама Ника помочь в поиске ничем не могла. Это под действием спасительного и одновременно губительного лекарства – «мыслегрызки» – она резвой охотничьей ищейкой бегала по столице, выискивала верхушку Общества Зари. А сегодня...

Сегодня у нее вовсе нет сил. Тест по шкале чувствительности даст разве что один-два балла. С нынешним уровнем не то что на обучение не примут. Ей даже с сельской знахаркой-шарлатанкой тягаться не стоит. В пух и прах проиграется.

Вчера ближе к полуночи в квартиру Вероники Ильиной заявились двое – Роберт и Эльдар, чаще отзывавшийся на Эла. Слушать нотации об их выходке с девочками они отказались, зато предложили вылечить ее. Эл-де знал какой-то шаманский ритуал по возвращению сил. Может, следовало согласиться, а не выгонять их в ночь? Тем более Эл выглядел неважно, твердил о видениях, предлагал Нике заглянуть в его память. Ильина даже начала сомневаться в его вменяемости. Но на Роберта она еще дулась. Мириться первой, да еще принимать помощь было обидно. Ноэль тогда окончательно обнаглеет, начнет творить черт-те что.

Что делать, Ника не ведала. Кто еще решил воспользоваться химерами, вызволил двух? И отчего двух, а не всех? Возможность для побега была чудеснейшей. За городом под охраной всего десятка бойцов из отряда специального назначения «Дажьбог» еще семьдесят четыре нелюдя. Бери – не хочу.

Что-то не стыковалось. Почему эти двое?

Возле Центра клонирования было малоллюдно. Высокие белые колонны, обозначающие границы парковочной зоны, блестели на слабом солнышке. Страшилки-чудовища, не пойми с какого вдохновения пристроенные архитектором на вершину каждой из колонн, весело скалились на прохожих и съезжающих к утренней смене сотрудников.

Солнышко заглядывало в окна невысокого по меркам местных небоскребов бочкообразного здания Центра. Сапожки скользили на мокрых ступенях. Ника мысленно пожелала скорейшего банкротства строительной компании, выигравшей тендер на ремонт крыльца, и шагнула в крутящиеся двери.

– Привет. Дозвонилась до Петровича? Он знает? – бодро прозвучало позади.

Подкарауливал, значит, за будкой охранника дожидался! Роберт выглядел растрепанным и непростительно летним. Из-под распахнутой кричаще-яркой куртки выглядывала рубашка с пальмами и серфингистами на волнах.

– Нет еще, – как можно более сердито буркнула она, проигнорировав приветствие. Детский сад, конечно, но справиться с обидой было сложно.

– Не надо, – как ни в чем не бывало попросил ученый. – Мне и без Петровича забот хватает.

Если об инциденте узнает генерал Илья Петрович, ответственный за всех пилигримов страны, в тот же день отзовет химер обратно по научным институтам, лабораторию Роберта прикроет. И плакали его опыты.

– Беглецов мы живо найдем, – продолжал беззаботно болтать Роберт. – Даже интересно, что их подвигло на побег. Из аномалии сигнал разбудил?

– Вот малахольный! – выругалась Ника, закипая. – Я тебе говорила и буду говорить, доиграешься!

«Что ты вокруг да около ходишь! Прощения попроси, обними, что ли! Надоели мне твои ученые лекции хуже Бронькиной зависти!» Но Ноэль был глух к ее мысленным мольбам, точно нарочно злил.

– Не доиграюсь, а выиграю, – подмигнул он и выскользнул на улицу.

Спрашивается, зачем приезжал. Знал, не выдаст она его. Во всяком случае, сегодня. До упора искать будет, сама в клетку вместо химеры влезет, лишь бы его прикрыть. Увы, сегодня это все, на что она способна.

Ника на всякий случай потрогала новенький амулет на шее. Ярко-желтый, имитирующий природный цитрин, камень свободно висел в серебряной оправе, украшенной изящным кельтским узором. Прежний, сделанный под лондон-топаз, дважды спас ей жизнь и рассудок. Первый раз в центре клонирования при попытке ее бывшей наставницы Чары Родимовны Липа подавить волю, подчинить себе и Обществу Зари. Второй – при нападении химер в компании с Лансом. В оправе и внутри камня скрывалось едва заметное устройство, улавливающее возможную психическую атаку, направленную на владельца кулона. Чем не магический артефакт, посмеивалась Ника. Если химеры прячутся где-то поблизости и попробуют напасть, минимальная защита у нее будет.

Василий Мазурин

Химеры поблизости были, не одна и не две, а десятки. Не только в стенах Центра клонирования, не только в новенькой загородной лаборатории Роберта. Они растекались по улицам, заглядывали в окна, прислушивались к сонному дыханию горожан, их снам и мечтам. Они ждали, когда в город прибудет их повелительница Джебзериит – древняя химера, или Вестница, как она представилась Василию Мазурину, – и Карл Травников – тот, кому когда-то Орэф поручил резервный отряд нелюдей.

Мазурин тоже готовился отбыть из Москвы, советовался с Магистром Гильермо Карвелом, просматривал собранные Карлом и Ириной Травниковыми документы, договаривался с военными и все больше убеждался в сумасбродности затеи. «Я не один, – убеждал он себя, – меня поддерживают целых два древних могущественных нелюдя». Но Василий понимал, что он для этих нелюдей всего лишь пыль, которую те легко стряхнут с обуви при малейшей его оплошности. И надо было изворачиваться, прислуживать обоим, чтобы впоследствии выиграть хоть что-то.

Сегодня ему предстояло доказать нескольким кабинетным воякам, что он гораздо лучше и покладистей своенравного Роберта Ноэля.

Встреча назначена на двенадцать дня, но до места еще до ехать надо, а он уже полчаса впаян в плотный поток машин и едва ли продвинулся больше чем на два десятка метров.

Вот как ответить на вызов голографа, когда ты застрял в пробке по дороге на работу? На машину изливались сотни литров ледяного дождя, к автомобилю жалась другая машина, гудели, жалуясь на тесноту. А на приборной доске разрывался от воплей телефон, требуя общения.

Люди его возраста в шутку именовали общение по голографу «вызовом демона». Раскладываешь на полу рамку, становишься в исходящий из нее свет, позволяя отсканировать собственную внешность. Рядом с тобой проявляется призрачный объемный портрет собеседника. Можно смотреть, нельзя прикоснуться.

Мазурин затенил окна, бросил на соседнее сиденье рамку, выбрал миниатюрный режим.

Появилась Джебзериит. Он живо представил ее тесную квартиру в Реутове. Сейчас, когда у Стеллы с каждым всплеском активности аномалии начались видения, девочку отправили в Барск. Квартира осиротела, обросла пылью и мусором. Древняя химера не утруждала себя домашней работой.

– Ты помощник Магистра. – Она проигнорировала его приветствия. – Прикажи Белякову придумать способ провезти в Барск оборудование для наших опытов, хороший отряд поддержки. А сам обеспечь мне присутствие возле аномалии. Защитный костюм, например, или какой-нибудь прибор, снижающий ее излучение вокруг меня.

А ручного дракона ей не подарить? Мазурин нахмурился, всматриваясь в огни, похожие, намертво застывших на дороге машин, и думал, как бы поаккуратней сказать собеседнице о своей беде.

Поначалу он радовался новым способностям, был готов плясать от счастья, когда прежде непонятные устройства раскрывали свои тайны под его пристальным взглядом. Он даже разобрался в том, как Бронислав Соловьев уничтожил аномалии. Но эйфория длилась недолго.

– Ты позволила мне видеть суть вещей. – Он не смотрел на ее светящуюся фигурку, едва достающую головой до спинки пассажирского кресла. – Я понимаю изобретения Ноэля и Соловьева, даже способен воспроизвести подобное. Но ничего похожего на его машину времени или очки-сенсы создать не в силах.

– Я открыла тебе доступ к информационному полю планеты, но, сам понимаешь, не зная названия книги, тебе придется долго копаться в библиотеке.

Она посмеивалась над его бессилием, он был уверен в этом. Она все знала наперед, но давала ему возможность высказаться, точно упивалась людской слабостью. И Мазурин начинал ее за это ненавидеть.

– Не имея изобретательского дара, ты на всю жизнь останешься подражателем. Я дала тебе максимум из возможного, теперь развивайся сам. И будь благодарен.

– За что? За объедки? – Он все-таки обернулся к ней. Голограф показывал не только собеседницу, но и кусочек отсканированного пространства.

Джезерит сидела на диване, прижимаясь плечом к плюшевому герою очередного популярного мультфильма, существу непонятному, ушастому, усатому и крайне отвратительному. Василий даже поразился, что Стелла – взрослый человек, пусть и в детском облике. Чему хорошему научит ребенка вот такая уродина?

– Ты несправедлив. – Джезерит склонила голову набок. – Все приходит со временем. Мне много тысяч лет. Я не раз бывала в этом мире, жила во дворцах, считалась богиней, но не стеснялась вселяться в тела нищенков, прокаженных, чтобы познать человеческую природу. И поняла, что не все приходит сразу. Пытайся, учись и достигнешь успеха. Он чаще приходит, когда окончательно разуверишься в себе.

– Оставим эту тему. – Он не любил ее философствований. – Ты просишь меня о невозможном. Беляков успешно создает скандал вокруг макросети. Я добился приказа о расформировании спецотряда «Дажьбог». Карл ищет возможных союзников среди работников лаборатории. У нас и так все получится!

– Нам не нужны слизняки и паникеры, помнишь? Не хочу повторения случая с семейкой Верховицных, – строго заявила женщина.

– Не будет.

Эта тварь ему угрожает! Василий почувствовал себя раздавленным тараканом.

– А вот и Карл проснулся! – Она мило улыбнулась, наклонилась к лежащей у ног рамке.

Изображение сжалось, от призрачного дивана остался лишь висящий в пустоте подлокотник с уродливой игрушкой да собеседница. Зато в салоне машины бледной луной взошло заспанное лицо Карла Травникова.

– Люди, вы вообще... Без двадцати семь!

Потом рассмотрел вызывавших, собрался, посерьезнел.

– Что от меня требуется?

– Нашел человека для вербовки?

– Лучшая кандидатура – их сенс и медиум Эльдар, который чаще отзывается на имя Эл, – подавил зевок Карл. – У него не слишком ровные отношения с французом. Он часто заговаривает о деньгах, выторговывает себе лучшие условия. Он знаком с Вероникой Ильиной, директором местного центра клонирования.

– Побеседуй с ним на эту тему. – Василий придушил собственную гордость.

Джезерит молчала. Ей было все равно, кто победит, – Мазурин или его враги. Своими победами и поражениями они в любом случае продвигали ее к намеченной цели. Ей нужна аномалия, потому что та нужна Карвелу. Ей нужен профессор Ноэль и его макросеть по все той же причине.

– Сегодня я вылетаю в Барск, – обронила она. – Делайте что хотите, но я должна оказаться рядом с аномалией без ущерба для моих сил.

– Окажешься, – заверил ее Карл. – Ноэль кое-что задумал. Вскоре сигнал должен прерваться.

– Прекрасно! – засияла нелюдь. – Сообщите об этом Гильермо Карвелу. Магистр должен знать.

Она отключилась от собеседников, откинулась на диване. Как же ей надоело притворяться человеком! Вести себя, как эти людишки, жить в тесноте, разделять их мерзкую пищу носить человеческое тело! Ей нужны силы, чтобы восстановиться после ловушки, в которую она угодила по вине Соловьева и Ноэля. А еще она не отказалась бы встретиться с двумя девчонками – убийцами Орэфа.

Дорофея

Университетский клуб, куда направлялась Дорофея, находился на другом конце города – на берегу озера Бездонного. Почти идеально круглое, очень большое, своим появлением оно было обязано метеориту.

Тот свалился (грохнулся, ударил, угодил сюда) в пятидесятых годах прошлого века. Отправленная на поиски экспедиция успеха не достигла, зато сгинула сама. При попытке вытащить из песчаной почвы небесный подарочек люди вместе с техникой провалились в прятывшуюся под тонким слоем земли воду глубокого-глубокого подземного озера. Позднее место расчистили, берега укрепили и вокруг новоявленного водоема начали строить сначала поселок, потом сам Барск.

Это озеро с двойным дном на долгие годы оказалось хранителем осколков метеорита. Вместе с откопанным здесь рядышком древним городом оно притягивало к себе ученых, военных. А все потому, что с приближением к Земле кометы метеорит перепугал ученый мир электромагнитным и радиационным излучением.

Именно этот метеорит и другие, подобные ему, были виновны в возникновении на земле сенсов, природных психологов и прочей публики. Метеориты и пилигримы. За появление и тех и других следовало благодарить Императорскую Пятерку и Координатора с Орэфом. А может, кого еще, кого они не выявили и не отловили.

Обо всем этом думала Дорофея, широко шагая по улицам субботнего Барска. А еще о том, что мир оказался гораздо сложнее, чем думало большинство обывателей, сложнее, чем учили в школах и университетах, сложнее теорий именитых ученых. И человечество запуталось, растерялось.

Из новостей в Интернете Дорофея знала, как люди реагировали на таких, как она. К осени всеобщая истерия по утихла. В Европе после резкого неприятия, погромов центров клонирования, охоты на ведьм энтузиасты организовали движение за права пилигримов. Быть «оттуда» стало модно. Ярых бунтовщиков против пришельцев из иных миров отлавливали, особо ярых сектантов выслеживали и изолировали. Религиозные лидеры лишь вяло огрызались на клонирование, но по большей части отмалчивались.

Публика попредприимчивей торопилась делать деньги. Например, в интернет-магазинах били рекорды продаж футболки, кепки и значки с принтами «I love pilgrims», «Пилигримы тоже люди», «Сделайте мне клона, он будет за меня работать».

В Америке пилигримам официально запретили занимать руководящие должности. В Азии отношение осталось скорее негативным. Один Китай открыл границы для пилигримов со всего мира. Россия с задержкой в неделю поступила так же.

В целом людям хватало других забот, чем неусыпно следить за горсткой иномирян. Лишь избранные умудрялись «вляпаться в общественное мнение», как любил повторять Роберт. Эти неудачники не сходили с первых страниц журналов. Едва сегодня после полуночи Ноэль выложил очередной отчет о работе группы по созданию макросети, одна из центральных газет разместила большое фото Доры из памятной телепередачи и не очень удачное, но вполне узнаваемое изображение Роберта.

Выдумок и непоняток в статье было гораздо больше, чем правды, но это никого, кроме «звезд», не смущало.

А как замечательно начинался день! Пока Машка досыпала, мигрантка попила чаю с печеньем, вычесала кошек, сделала уборку в своей части комнаты и пешком через полгорода отправилась в клуб на встречу с друзьями. Дернуло же ее заглянуть в газетный киоск, чтобы увидеть это страшилище. Купленная газета через пару минут отправилась в ближайшую урну.

Сегодня-завтра проклятушую публикацию растиражирует вся местная пресса, растащат по Интернету блогеры и завсегдатаи социальных сетей. Тогда в школе житья точно не будет. И так народ косится, что за каланча старая с малышками тусуется. Не будешь же каждому объяснять, что мигрировала она во взрослого клона, а не в дитяtko до двенадцати лет.

Машке перепала порция ее славы. Ее узнавали, принимали за Дору расспрашивали. Но Дорофея придумала наилучший способ «побега». Она сделала длинную стрижку, перекрасила волосы в каштановый цвет. Вдобавок со вчерашнего вечера ей предстояло «безскидно» щеголять в черных очках. Ну, точно, заезжая кинодива! Попробуй опознай.

В очках гулять по городу было занимательно вдвойне. Люди, машины, здания казались инопланетными, чужими, пугающими и сказочными одновременно. Девушка заходила во все встречные лавочки и магазинчики, изучала товар, иногда приподнимая очки и присматриваясь обычным зрением, потом ставила регулятор мощности на максимум и погружалась в фантастический мир, в котором не существовало привычных цветов, очертаний предметов, где люди выглядели сгустками режущего глаза света. Это напоминало игру, и постепенно мысли о гадкой газете отошли на второй план.

Для девушки из 2099 года Барск до сих пор казался странным, но маняще интересным. После ливня город покрылся глубокими лужами. Их приходилось огибать, уворачиваться от машин, норовящих обрызгать зазевавшихся пешеходов.

На деревьях и кустах бойко болтали воробьи. На чьем-то подоконнике надрывно лаяла крошечная собачонка. Толстая газетчица самозабвенно ругалась с дворничихой. Из магазина неслась зажигательная музыка. Кстати, в магазин зайти стоило.

За символическую плату продавщица закачала Доре на плеер-часы десяток гигабайт совершенно замечательной музыки. Именно благодаря этим часам – массивным, с не устанно движущимися шестеренками, мигрантка познакомилась с Гошей и ребятами-байкерами. Именно к ребятам она сейчас направлялась. Дора никогда сильно не привязывалась к вещам, но часы были сувениром с той важной встречи. В спрятанной в ухе гарнитуре заиграла новая музыка, и мигрантка отправилась дальше.

Площадь Ленина, площадь Победы, площадь Циолковского... Навигатор в планшете обещал, что на Центральный проспект старого города будет нанизано еще как минимум четыре площади, пока дорога приведет ее к набережной. Оттуда до университета рукой подать.

Добравшись до площади Королева, Дора сообразила, что эту часть Барска ей уже показывала Ника. Идти знакомым маршрутом было глупо. Раз поставила перед собой цель досконально изучить город, в котором живешь, нечего сачковать. Пришлось свериться с навигатором и свернуть налево.

Улица Циклотрона навеяла неприятные воспоминания о погибшем художнике Белозерове. Поработав в эпицентре зарождающейся аномалии, бедняга постепенно стал прозрачным и исчез. Поэтому заходить в магазины-лавочки на этой улице девушка не стала, наоборот, ускорила шаг.

Большой торговый центр на улице Летчиков-испытателей тоже остался без внимания. Зато ноги сами привели Дору в магазин игрушечных моделей самолетов, кораблей, автомобилей. Внутри обнаружили Руслан с Таней.

Русик бережно держал в руках внушительных размеров паровоз, явно тяжелый, бронзово-коричневатый, с налетом копоти и пыли близ колес, с включающимися фонарями. Прямо настоящий! Уже зная, что подвигло юношу прицениться к явно недешевой игрушке, мигрантка не удержалась, спросила:

– С детством распрощаться не можешь?

Отношения с Русланом у нее складывались нелегко. С одной стороны, у нее был Ланс, а у Русика – Таня. С другой – ей было приятно внимание красивого парня, а Руслан с первого

дня знакомства не сводил с Дорофеи блестящих глаз, расспрашивал, постоянно оказывался рядом. И тут же заводил с ней и измучившейся от ревности Татьяной пространные разговоры о дружбе, попытке понять чужую культуру, точно Дора была из какого-нибудь дикого племени.

– Не я, а Гоша впал в детство, он у нас на всяких технических прибабусах сдвинутый. У нашего славного стимпанкера через неделю день рождения.

Да, Машин друг был ярым поклонником стимпанка. Объектом обожания он избрал технику конца девятнадцатого – начала двадцатого века: самолеты, пароходы, паровозы... О них он мог говорить часами. А после того как Роберт Ноэль пригласил его побывать на стратосферном дирижабле, пусть и не на полукилометровом цеппелине, а на вполне современной метеолаборатории, ученый стал для Гоши кем-то вроде всемогущего Деда Мороза – доброго волшебника для хороших детей.

– Помню я про праздник. – Она приветливо помахала рукой Тане, что-то высматривающей в глубине магазина, потом потрогала паровозное колесо. Ого, металлическое.

Машка на днях мучила Ланса расспросами, просила привезти что-то для друга. Дора не лезла в их дела. Она, конечно, не придерживалась мнения, что открытка – тоже подарок, но ничего стоящего пока не выбрала.

– Привет. – Таня ревниво вклинилась между Дорой и Русиком. – Это берем? Или тот пароход?

– Наверное, это. – Парень полез за кредиткой. – Должно хватить, если Соколиный Нос перевел свою долю.

Дорофея отошла в сторону, чтобы не мешать. Очки позволяли видеть, как вокруг Тани закружились темные облачка недовольства. Русик оглянулся через плечо, улыбнулся Доре.

– Я пойду, – на всякий случай сказала она.

– Стой, мы на такси. – Парень уже был готов бежать за ней следом. И если бы не подруга, вцепившаяся в рукав его черной куртки, точно побежал бы.

– А я пешком. Фитнес бесплатный и все такое.

Ланс через неделю приезжает! Она подставила лицо промозглому озерному ветру и холодному октябрьскому солнцу. «А ты собственница, – ругала она себя, ускоряя шаг. – Ланса тебе мало! Еще и Русиково внимание подавай!»

Он интриговал ее, привлекал мужественным обаянием, мягким голосом, веселыми искорками в глазах. Теперь она видела, Руслан совсем не походил ни на Борьку, ее первую любовь, оставшуюся на Земле-1, ни на Бету. Влезать в чужой мирок, рушить привязанности не хотелось. Но то ли обида на Ланса, то ли еще какая глупость мешали ей прекратить «невинный» флирт единым махом, поговорить с парнем напрямую.

К озеру Дорофея вышла минут через пятнадцать, когда переживания утихли. До общего сбора было полчаса, а до университетского клуба – десять минут прогулочным шагом. Девушка присела на скамейку на набережной, прислушалась к плеску волн Бездонного. Она все чаще стала замечать, что ее притягивает к большому водоему. Когда выдавалось свободное время, приходила на берег, читала, слушала воду. Сегодня озеро расшумелось. Белые гребешки на волнах толкались, спешили к опустевшим пирсам. С приходом холодов лодки и катера спрятали до весны. Через озеро теперь курсировали только два теплохода.

На другом берегу тянулись к белым булкам облаков изголодавшиеся небоскребы. Каждый был неповторим, каждый имел свое имя. Но взгляд Доры приковывал лишь один – «Гремящий дракон». Казалось, на землю уронили пружину с шестью завитками. В пятом завитке, если считать слева направо, на сороковом этаже обитала их наставница.

С начала учебного года Ника самоустранилась от их воспитания. Забавно, работавшая под ее началом Александра Михайловна, Машина мама, в домашних разговорах все чаще

именовала Нику Шилом. Такое прозвище директор центра клонирования получила за непростой характер и умение при необходимости достойно ответить любому противнику. Теперь у Ники проблемы, это ясно даже им с Машкой, ее глупым мухоловкам. Кстати, не Маша ли там крадется? Пусть крадется; Дора решила притвориться, что не чувствует двойника.

«Что ли, после посиделок к Нике нагрязнеть? Кстати, идея!» – решила Дора и внутренне напряглась.

– Один – ноль, моя взяла! – Машенция напялила на голову клона шапку с помпоном. – Привет от мамы!

Какой ужас! Неужели мама всерьез думает, что она будет это носить?!

– Я тебя еще от остановки почувствовала. – Дора стащила шапку и положила на скамейку рядом.

– Бу! Могла бы соврать, что испугалась. – Маша присела рядом, запихнула несчастную шапку обратно в сумку.

– После всего пойдем к Нике. – Дора встала и потянула двойника следом.

– Не-е, давай завтра. Гоша звонил, погулять после зовет.

Опять ей третьей лишней таскаться за влюбленной парочкой и делать вид, будто это в порядке вещей. Скорее бы Ланс вернулся. Она уже была готова простить ему все недомолвки.

– Ладно, завтра обязательно, – нехотя согласилась Дорофея и сняла очки. Она не знала, что судьба заготовила совсем иной сценарий для сегодняшнего дня.

А пока девушки прошли через краснокирпичный второй корпус университета, пересекли широкий двор с мастерскими и лабораториями, обогнули дом спорта. Прямоком за семиэтажным первым корпусом (где работал Машкин отец) скромно притаился двухэтажный дом творчества, в простонародье клуб.

В клубе всегда было многолюдно. Там сутками репетировали ребята из театральной секции, до хрипа спорили над идеей очередного электронного журнала поэты, тусовались неугомонные кавээнщики. Поначалу Дора искренне считала КВН видом спорта («Они же соревнуются, значит, это спорт?» – наивно выспрашивала она Гошу, чем несказанно его веселила). Потом сходила на несколько игр и все равно осталась при своем мнении – спорт, только с юмором.

Ребята ждали Ивановых в полном составе. Ленка о чем-то шепталась с Иррой, Кирилл пересказывал ребятам очередной фильм.

– Вот они, проснулись! – в притворном возмущении воскликнул Руслан, чем заслужил укоризненный взгляд от Тани. – Пошли.

– А мы разве не здесь будем? – удивилась Маша.

– Не, мы живем напротив. Сюда позвали, думали, заблудитесь, – весело ответила Ленка и повела маленький отряд вперед.

Следуя за ребятами, Дора даже позавидовала их дружбе. Вся компания знала друг друга буквально с песочницы. За исключением Лешки, они жили в одном дворе, вместе росли, учились в одной школе, поступили в один институт. Год-полтора разницы в возрасте никогда не становились преградой для совместных приключений.

– Куда мы? – Машка не любила неопределенность.

– К Жужелице, то есть Соньке Жужиновой, – охотно пояснил Гоша. – Помнишь, в Москве вы помогли освободить ее от химер. Она на четыре дня в Барск нагрязнула на мамин юбилей, нас в гости позвала.

Дора украдкой посмотрела на Андрея, бывшего Сонькиного парня. Не сильно-то он ей рад. До их московской встречи Соколиный Нос еще надеялся на примирение с девушкой, но сейчас ее приезд тяготил его.

Соня жила в той же пятиэтажке, что Лена, Гоша и Руслан. Жужиновой досталась двухкомнатная квартира на четвертом этаже, в самом сердце Барска. Родители ютились где-то на окраине и после переезда дочери в столицу в центр города так и не перебрались.

Дом был ухоженный, облицован блестящей бледно-зеленой плиткой. Большие окна, широкие застекленные балконы вбирали в себя солнечный свет. Двор мигрантке тоже понравился: с волейбольной площадкой, крытой зоной для мамочек с детьми, качелями-каруселями. Разве что студентов много, но это скорее плюс. Доре самой не терпелось изведать веселой студенческой жизни. В школе ее ничего не держало.

Друзья поднялись по лестнице, позвонили в дверь. И в ту же секунду Дорофея замерла, оглушенная, дезориентированная нахлынувшей пустотой. Наваждение продлилось пару мгновений, но захватило ее всецело, вытянув воздух из легких, заставив испуганной рыбешкой открывать и закрывать рот. Машка рядом напряглась, Гоша усиленно вертел головой. Абсолютно невозможно, чтобы рядом была химера! Почудилось? Да бросьте, чтобы троим сразу? Неужели очередные шуточки Роберта? Ведь аномалия далеко.

Обитая коричневым дерматином дверь распахнулась. «Потом разберусь», – успокоила себя Дора и вошла вслед за ребятами. В квартире оказалось пусто. Не от нехватки вещей – тех, наоборот, было в избытке. С многочисленных фото на стенах улыбались незнакомые люди. За стеклами высоких шкафов теснились книги и хрусталь. В напольных вазах собирали на себя пыль тряпичные и бумажные цветы. Вязаные салфетки снежинками упали на тумбочки, журнальные столики и даже на висевший на стенке старенький телевизор. Но вещи словно кричали: «Мы ненужные! Мы лишние!»

Хозяйка квартиры, строгая девица с подведенными глазами, в небесно-голубых джинсах и отглаженной белой блузке ничуть не напоминала оторву с фотографии, которую Дора видела на дирижабле. Пригласив бывших друзей, Соня точно откупалась от прошлого. «Ешьте тортики, пейте чай, травите байки, я, так и быть, поскучаю в вашем обществе», – читалось на ее красивом усталом лице.

Ребята старались не замечать отстраненности, изо всех сил желали растопить ледяную преграду между ними и девушкой из их прошлого.

Дора задумчиво слизывала крем с лимонного пирожного, не вслушивалась в чужую болтовню, поэтому уловила то, о чем еще не знала щебечущая с Гошей Маша. К квартире Жужиновой спешили гости. И все равно, когда тренькнул звонок, мигрантка вздрогнула.

Леша, как ближе всех сидевший к двери, пошел открывать. Его удивление и страх были мимолетны, но Дора вжалась в спинку стула. А в комнате уже стало тесно от вооруженных людей в камуфляже.

– Где они?

В шоке безоружном парне Дора узнала Никиного помощника – Сашку. Из-за его спины выглянула сама наставница, бледная и хмурая, точно ночной страх.

– Вы что тут забыли, мухоловки? – зашипела она.

Соня Жужинова молча указала рукой на соседнюю комнату. Вооруженные люди перетекли туда. Послышались хлопки, звон разбитого стекла, тихая ругань. И вот уже на руках вынесли, нет, не Соню, но очень похожую на нее девушку, обряженную в широченные мужские брюки и свитер.

– Второй в окно ушел, – зло сказал самый старший из бойцов, с короткой черной бородой, но без усов.

– Подранили гада, далеко не уйдет, патрули внизу отловят, – добавил другой, теребя висевший на шнурке сколотый камушек – амулет от ментального удара.

– Ну, хоть одну взяли. – Ника обессиленно опустила на тумбочку. Белая салфетка свалилась на мохнатый ковер. – Не знаю, что вы тут праздновали, но с каждым по очереди побеседуют наши люди. – Наставница сверлила взглядом Ивановых. – Мухоловки, за мной.

Дора с Машей безропотно выбрались из-за стола, забрали куртки в прихожей, обулись и потопали следом за Вероникой.

– Откуда здесь химеры? – не утерпела Маша.

– Сегодня ночью из центра ушли двое. Нет, все-таки одна – копия Жужиновой. А с ней некто, кого мы ошибочно принимали за химеру. Так действовать способно только существо, наделенное разумом и волей. И потому гораздо более опасное.

Ника забралась в просторный желтый фургон у подъезда, задумчиво погладила звезду браслета на запястье, потом тронула пару камней, вызывая кого-то для беседы, и негромко, словно делая над собой усилие, произнесла:

– Я согласна на помощь. Вези Эла.

Она собиралась сказать что-то еще, но двери фургона шумно распахнулись, и люди в камуфляже мягко втокнули внутрь Сою Жужинову. Следом за ней залез невысокий мужичок, в котором Дора опознала «Наполеона». Именно этот сенс помогал Нике захватить родителей Роксаны Верховицкой. Мужчина настолько походил на французского императора из макросетевой игры «Покори Европу», что Дора не могла его называть никак иначе.

– Рассказывай по-хорошему. – Ника подалась вперед, разглядывая девушку. – Они целенаправленно шли к тебе. Ты знала о визите?

– Нет!

Девушка неприязненно посмотрела на собравшихся и нехотя начала рассказ.

В родной город Соня добиралась долго. Прямых рейсов из Москвы не было, пришлось пылиться на поезде с пересадками, потом трястись на рейсовом автобусе, тоже с пересадкой. Барск встретил ливнем, холодом и ветром, долгими расспросами родителей, звонками непонятно как разведавших о ее прибытии бывших приятелей.

К себе на квартиру девушка добралась после полуночи. Пустовавшее полгода жилище негостеприимно обросло пылью, пришлось отмывать, оттирать, потом стирать и гладить промокшую одежду. Когда самой хозяйке удалось помыться, часы показывали четвертый час утра. Соня всегда вставала рано, не позже полседьмого. Но сейчас собиралась проспать как минимум до девяти. Куда там! В дверь позвонили.

Девушка проворчала о том, что приличные люди в такое время в дверь не скребутся, но, словно зачарованная, пошла открывать. Полотенце сползло с мокрых волос и плюхнулось на пляжные шлепанцы, валявшиеся в прихожей с начала мая. Девушка этого даже не заметила, повернула замок, открыла щеколду и впустила двоих. Единственной мыслью было: «Неужели опять?»

Не узнать свою копию было невозможно. Гостью в промокшей нелепой мужской одежде, в расклеившихся матерчатых тапочках била дрожь. Парня – плотно сложенного, темноволосого, хмурого, казалось, не смутил бы всемирный потоп, переходящий в ледниковый период. Прежде чем захлопнуть дверь, он внимательно осмотрел лестничную площадку. Потом оценивающе, по-хозяйски окинул взглядом прихожую и, бесцеремонно отодвинув хозяйку в сторону, прошел на кухню. Так же молча он налил из-под крана чайник и поставил на электроплиту.

– Почему стоишь? Ее надо переодеть! – потребовал он.

Именно этой наглости не хватало Соне, чтобы прийти в себя. Она оставила продрогшего двойника в прихожей, забежала на кухню, попутно выключила плиту.

– Кто ты такой? Забирай ее и проваливай! Я вызову полицию!

– Попробуй.

Он протянул к чайнику руку и не успела Соня досчитать до трех, как вода внутри забурлила, закипела, из носика и дырочки в крышке повалил пар.

– Ты тоже химера? – Хозяйка опасливо отступила на шаг. С такими тварями лучше не связываться. – Или этот, как его, пилигрим? Вас же отлавливают!

– Ни то ни другое. Но меня, как и химер, лишили свободы. Я с этим не согласен. – Внешне он был спокоен.

Тем временем клон самой Сони пробрался в гостиную и свернулся калачиком у батареи.

– Ты не химера. – Она слишком хорошо помнила их неживые, равнодушные лица.

Соня присела рядом, пытаясь свыкнуться с абсурдностью ситуации. Эти двое забрались в ее квартиру, хозяйничают. А она чувствует себя так, словно должна оправдываться и спрашивать разрешения на каждое слово.

Она помассировала виски, вздохнула и полезла в шкафчик за кружками.

– Я надеялась, такие, как она, – кивок в сторону гостиной, – никогда меня не потревожат.

Соня не имела ничего против их существования, просто не желала встречаться лично. Что они такое – секретный правительственный эксперимент, тайная организация или шпионы из созвездия Кассиопея, ее не волновало. От химер и их хозяев она получила все, что хотела, а срок контракта истек в сентябре.

– Нам нужны пища и убежище. Хотя бы на сутки. После мы уйдем и больше тебя не побеспокоим.

Рядом с незнакомцем было неуютно, как с химерой. Но двигался он иначе, цепкий взгляд с интересом скользил по подвесным кухонным шкафчикам, геометрическим загогулинам на обоях, лампе с плетеным из лозы абажуром и неизменно возвращался к хозяйке квартиры. Движения незнакомца были вкрадчивыми, экономными, словно он в любой миг ожидал нападения и был готов дать достойный отпор.

– Меня зовут Злат, – будто признаваясь в ужасном преступлении, произнес он.

– Вот что, Злат. – Соня налила в чашку холодной воды из фильтра и отпила пару глотков. – Я устала. Можешь лечь на диване. Сунешься ко мне, получишь перцовым баллончиком в глаза.

Она ушла в свою комнату, заперла дверь, на всякий случай придвинула к ней стол и уснула, едва коснувшись головой подушки. Дальше было утро, завтрак, визит друзей...

– Зла-а-ат, – нараспев повторила Ника. – Разберемся, кто его позолотил.

– Обязательно, – подтвердил «Наполеон», подмигнул девушкам и повел Соню из фургона.

А потом к дому прибыли Роберт, Роксана и Эл. Неискушенная Дора не могла вообразить, что человек способен на столь кардинальные преобразования. Но пожилой медиум, казалось, сбежал с конкурса на самый экстравагантный костюм.

Он не походил ни на настоящего шамана, знакомого по картинкам в Интернете, ни на привычного чудаковатого сенса с даром медиума в придачу. Нисколько! Его голову несколько раз оплетал кожаный шнурок с болтающимися вокруг кисточками и металлическими украшениями. Тощие плечи поверх расшитой бусинами рубашки из мягкой кожи укутывала меховая накидка, напоминающая индейское пончо. Заправленные в высокие сапоги штаны до середины бедра прикрывал фартук из грубой кожи. Тоже, кстати, с вышивкой.

Эл выбрался из белого внедорожника, бесцеремонно потрогал ладонью лоб Вероники, осмотрелся и ткнул пальцем влево, туда, где обрывался частокол небоскребов.

– Лечить тебя будем там.

Ивановы удивленно переглянулись. Разве наставница больна? Ах да, упадок сил после «мыслегрызки»!

Ника нехотя согласилась, забралась в машину и упорно молчала всю дорогу к погребенному под песками веков городу.

С началом холодов раскопки свернули. От иномирного поселения мало что осталось. Развалины, еще в июне казавшиеся ученым кладезем небывалых открытий и благополучно защищенных диссертаций, молниеносно лишились привлекательности. Теперь результаты исследований окончательно засекретили и выдавали разрешение рыться в земле лишь военным и вкалывающим на них энтузиастам.

Приехали. Эл легко выпрыгнул из машины. Следом, точно Снегурочка за Дедом Морозом, выползла Роксана. Она безропотно тащила тяжелый кожаный мешок.

– Во-он туда, на песочек, – ткнул пальцем шаман, и девушка послушно отволокла ношу туда, плюхнула на землю и убралась поближе к ухмыляющемуся Роберту.

Ника скептически следила за приготовлениями, ворчала, что в который раз доверилась причудам Ноэля.

Дора заинтересованно вертела головой. Там, чуть в стороне от воды, на перекопанной земле летом стояла палатка. В ней Броня, Ланс и Роберт беседовали с археологами, разглядывали найденные в городе черепки и остатки старинного пистолета. Еще дальше устанавливали машину времени. Вдоль озера все лето буйствовали осока и аир (теперь девушка знала названия трав). Сейчас трава увяла, полегла. Валуны покрылись мхом и потемнели. Ноги увязали в напитавшемся влагой песке.

– Тебя, как и пилигримов, тянет к водичке? – поинтересовалась разволнованная Ника.

– Лучше это делать в поле, – развязывая мешок, прокричал ей Эл, – но там нынче холодрыга. Эй, ученицы, – он кивнул девушкам. – Наденьте и включите очки на второй режим.

Он справился с тесемками и выудил из глубин мешка обрезанную пластиковую бутылку, набрал до краев озерной воды и установил в выкопанную в песке лунку.

Нетрудно было понять, что мысли наставницы крутились вокруг Злата. С ребятами переговорить не удалось, военные разогнали их по домам, к Соне приставили охранника. Отчего-то Дора не чувствовала разочарования, что посиделки прервались. Даже Машка не дулась, прогулка с Гошей подождет.

– Давай скорей, колдуй, камлай, хоть на метле летай! – торопила Эла Ильина.

Она настороженно смотрела, как тот выуживает из мешка и раскладывает на быстро начерченную фигуру странные предметы: кости, перевязанные красной лентой, моток черных ниток, утыканный иглами, сухие цветы, нож, спицы, стеклянные бусы...

– Тсс... – Роберт подошел в Веронике, ободряюще приобнял за плечи. – Я видел, что он умеет. Когда разыскал Эла перед изгнанием Орэфа, не такого насмотрелся. Полагаю, со своим канадским коллегой, одарившим меня способностью понимать суть техники, дедок магическими бицепсами померяется. Его предки веками благополучно обеспечивали выживание целых племен.

– Предлагаешь довериться? – Ника сцепила руки в замок. – А если после того, как мне вкололи «мыслегрызку», дар так и не стабилизируется?

– Я усовершенствую очки и багетку – просто сказал Ноэль и легонько подтолкнул женщину к закончившему приготовление Элу Ветер беззаботно играл с ее рыжими кудрями, тоже подталкивал в спину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.